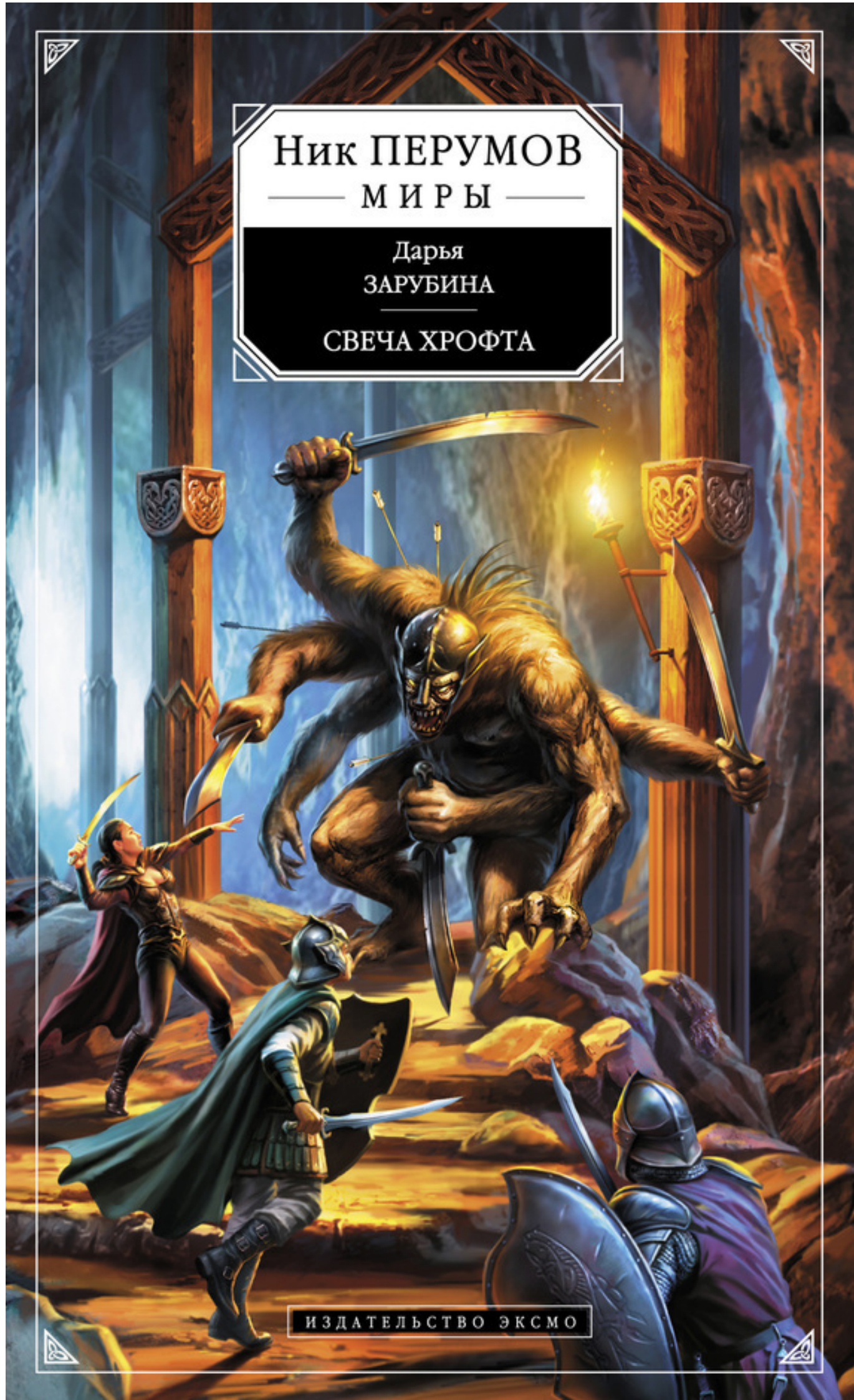

НИК ПЕРУМОВ
— М И Р Ы —

ДАРЬЯ
ЗАРУБИНА

СВЕЧА ХРОФТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭКСМО

Миры Упорядоченного

Дарья Зарубина

Свеча Хрофта

«ЭКСМО»

2012

Зарубина Д. Н.

Свеча Хрофта / Д. Н. Зарубина — «Эксмо», 2012 — (Миры
Упорядоченного)

ISBN 978-5-699-60934-5

Великий бог Один вновь обрел былую силу, а главное – свободу! Но ни путешествия по мирам, ни битвы с врагами не приносят ему удовлетворения. Он все сильнее ощущает свое одиночество. Вернувшись в жилище, где проводил годы добровольного заточения, Один обнаруживает незваного гостя. Дерзкий смертный не только посмел явиться в дом Отца Дружин – он требует помощи в борьбе с Новыми Богами. Тут бы Родителю Ратей и покарать наглеца. Но у того в руках сильнейшее оружие – Свеча Хрофта. Новые хроники Хьёрварда в проекте «Ник Перумов. Миры»!

ISBN 978-5-699-60934-5

© Зарубина Д. Н., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Предисловие	5
Пролог	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дарья Зарубина

Свеча Хрофта

Предисловие

Нельзя объять необъятное, но нельзя и не пытаться. Только так может получиться хоть что-то стоящее. Не замахиваясь на Эверест, не покоришь и ближайшего холма – обязательно сыщутся объективные причины, чтобы повернуть назад.

Давным-давно, более четверти века тому назад, у меня родились первые наброски мира под названием Хьёрвард, первого «моего» мира, легшего потом в основу вселенной Упорядоченного. Много написано за эти годы, но, идя на штурм необъятного, всегда надо помнить – что-то останется за кадром. Что-то, быть может, ничуть не менее важное и интересное, чем появившееся на твоих страницах.

Я писал о Хьёрварде и Мельине, об Эвиале и Обетованном, о богах и героях. Но, давая жизнь на своих страницах, скажем, великому Одину, Отцу Богов, владыке Асгарда, Асу Воронов, предводителю божественного воинства в день последней битвы, Рагнарёка – я, конечно, понимал, что никогда одного лишь моего пера не хватит, чтобы описать его полностью, чтобы исчерпать. И всегда особенно интересно, когда на вроде бы «твоего» персонажа – хотя на самом деле Один не «мой», а создан скальдами, творцами древнего стиха, – смотрят другим взглядом.

«Свеча Хрофта» – как раз об этом. О другом взгляде.

...Закончилась битва в Обетованном. Новые Боги, Хедин и Ракот, одержали победу, начинается их время – и что делать в нем «древних ратей воину отсталому»? Старый Хрофт, Один, Отец Дружин, Игг – у него много имен, но нет больше ни его рода, ни его семьи. Асы, те, с кем он правил миром, пока туда не явились Молодые Боги, Ямерт и его присные, – все погибли в страшной битве на Боргильдовом поле, в битве, не предсказанной и не напророченной.

Одиночество – его удел. Мсть свершилась, и, наверное, подобно герою саг, Старому Хрофту следовало умереть от ран, глядя на бездыханный труп врага и повторяя – «свершено все, что должно, путь закончен». Однако он – живет. Он не Бог, подобно Хедину и Ракоту. У него своя дорога. Кого встретит Отец Дружин на этом пути?...

«Благословенный удел Древних Богов – яростные битвы и щедрые пиры», – сказано в этой книге. Но нет Асгарда, и незачем восстанавливать пустые стены – в них поселятся лишь призраки прошлого, отравляющие сердце бессильной тоской и слабостью.

Отец Дружин идет в мир, нести справедливость, такую же простую, суровую и древнюю, как он сам. Он сражается – другая жизнь для него невозможна. И он готов отвечать за содеянное...

Так входит в роман новый герой, герой, что посягает на самого Хрофта, что сам приносит к его порогу древний долг, не отданный Отцом Дружин...

Мы смотрим на Хьёрвард, на тот самый мир, «с которого все началось», но уже не глазами Истинного Мага Хедина или хединсейского тана Хагена, его ученика.

...Вызов победителям-Богам бросают не их побежденные соперники, не иная сила, владеющая жуткой и могущественной магией, нет. Смертные, простые смертные – но они тоже способны помнить о долгах и требовать их возврата.

Даже с Богов.

Ник Перумов

Пролог

Меч чиркнул по камню, не оставив даже царапины. Совсем рядом рухнул громадный валун, но безумец, что отважился подойти так близко к Стражу, успел отскочить. Лишь два или три острых осколка зацепили полу его плаща. Одному из альвов, следовавших за предводителем, повезло меньше. Пытаясь увернуться от летящих камней, он прижался к скале. И она тотчас взорвалась за его спиной новым камнепадом, превратив альва в окровавленный ком. Мгновение спустя то, что осталось, накрыла исполинская ступня. Это проснулся второй Страж.

Ливень камней окатил небольшой отряд. Альвский колдун едва успел произнести заклятье Отражения. Брызнула во все стороны кремневая крошка. Страж медленно заворачивал голову, отрясая пыль и щебень с широкого лба и длинной змеиной шеи. По каменным мышцам прошла волна дрожи. Чудовищное детище Живых скал разминало затекшие от долгого сна плечи. Его длинные когти – не чета крошечным мечам незваных гостей – оставили на земле глубокие борозды. Исполинский ящер, на вид – бессмысленное нагромождение булыжников и валунов, одним рывком преодолел расстояние, отделявшее его от ближайшего альва. И тот лишь коротко вскрикнул, когда удар чудовищной головы подбросил его в воздух. Страж подхватил жертву на лету. С грохотом сомкнулась черная пещера пасти. Между скальными уступами зубов виднелась лишь нога альва да край плаща.

С глухим, похожим на дальний гром рычанием Страж оскалился. И раздавленное страшными челюстями тело упало к ногам чудовища. Расправа над беднягой заняла лишь пару мгновений. Но этого оказалось достаточно, чтобы предводитель отряда – человек, чью фигуру укрывал коричневый плащ, а лицо – глубокий капюшон, – вспрыгнул на ногу, а следом и на спину гиганта, цепляясь мечом и ловкими пальцами за его каменные мышцы. Страж попытался достать наглеца. Длинная змеиная шея ящера неестественно изогнулась, между булыжниками показались широкие щели. В одно мгновение удар исполинской головы вышиб град искр и осколков из каменного плеча. Ловкач в капюшоне вспрыгнул на эту голову, покачнулся, едва не сорвавшись. Но успел вонзить меч в щель между валунами, а альвский колдун – послать в изогнутую шею Стража замораживающее заклинание. Оно лишь на секунду или две удержало чудовище, но этого было довольно человеку в капюшоне. Он выдернул меч, перепрыгнул с каменной головы на высокий уступ и в два прыжка оказался за ним.

Неужто безумец надеялся спрятаться от Стража в таком смехотворном укрытии? Надеялся найти убежище в скалах, породивших этих непобедимых монстров? Скалах, где каждый крошечный камешек, каждая пылинка мечтали получить хоть каплю крови чужака. Жаждали, едва наступит ночь, насладиться его болью и страданием, выпить его силу, разум, волю.

Казалось, судьба предводителя отряда решена. Широкая голова Стража находилась лишь в паре шагов от его ненадежного укрытия. Один рывок, одно смертоносное движение челюстей каменного исполина, и от дерзкого нарушителя спокойствия останется лишь бурое месиво мяса и костей. Но потянувшийся было к нему Страж словно натолкнулся на невидимую стену, затряс головой. И уже мгновение спустя, казалось, совершенно забыл о притаившемся между серых валунов, обрушив свою ярость на альвского колдуна и двоих его помощников, которые тотчас начали отступать к выходу из ущелья. Как и те семеро, что все время дерзкого маневра человека в капюшоне отражали удары другого Стража.

Несмотря на удивительную ловкость воинов и достойное восхищения мастерство колдуна, отход отряда стоил жизни еще двоим альвам. Третьего, раненного осколками, товарищи едва успели выдернуть из-под тяжелой стопы исполина. Гиганты яростно преследовали непрощенных гостей. Ненависть к чужакам гнала их вперед, туда, где отвесные стены скал сходились так тесно, что чудовищные сторожа ущелья сшибались друг с другом, задевали боками и плечами уступы, высекая снопы искр и каменной крошки. Однако далекая звезда альвов на

зависть хорошо хранила отчаянных наглецов. Их высокие и стройные фигуры в зеленых плащах мелькали между массивными, как стволы древних дубов, ногами Близнецов. Альвы без страха ныряли под самое брюхо исполинских созданий, с потрясающей воображение скоростью и проворством карабкались по уступам, используя как опору малейшие трещины в камне, скользили, как форель, в синих хрустальных струях воздуха, снова и снова избегая чудовищных челюстей. И громоздкие детища Живых скал зря рвали когтями землю, стараясь зацепить ускользающую добычу. Альвы не пытались сражаться или защищаться от ярости каменных гигантов. Слаженно и спокойно они отступали, стараясь как можно быстрее покинуть ущелье, словно их вовсе не заботила судьба оставшегося в скалах предводителя.

Тем временем человек в капюшоне легко преодолел спуск. Скорым шагом, чтобы успеть до темноты, он направился в ту сторону, где в круглой, как блюдо, котловине находилась цель его дерзкого путешествия – древний, сложенный из громадных бревен дом с единственным окном, темным и затянутым паутиной. Дом казался давно заброшенным. Разросшийся подле-сок подступил к самым дверям, скрыл коновязь у сарая. В крышу вцепилась корнями молоденькая березка, надеявшаяся удержаться на скате. Но это был дом. Дом, каждой своей частью, каждой трещиной на посеревшем от времени дереве стен, каждой пядью земли и скал, на которые опирался он своим грузным телом, ожидавший возвращения хозяина.

На это, видимо, и надеялся пришедший. Человек в капюшоне окинул настороженным взглядом царящее кругом запустение, вложил меч в ножны и направился к двери.

Часть первая

Глава 1

Панцирь одной из тварей хрустнул под копытами Слейпнира, густая буро-зеленая кровь брызнула на траву и его ноги. Но конь будто бы не замечал, как едкая дрянь оставляет дымящиеся отметины на белоснежных лодыжках, как расцветают язвы на плечах. Язвы тотчас затягивались. Слейпнир летел снежной звенящей стрелой. И стрела эта вонзалась в самую гущу боя, и мощные копыта вновь обрушивались на широкие чешуйчатые лбы и панцири врагов.

Сокрушало смрадную волну чудовищ тяжелое копыто божественного коня, мелькал, рисуя в воздухе мерцающие полукружья, золотой меч. И страх на лицах воинов сменялся отчаянной надеждой. Надеждой, что заставляла поверженных подниматься с земли, невзирая на боль от ран и ожогов, и, отшвырнув изъеденный буро-зеленой кровью врага щит, бросаться в бой. Потому что всадник на белом стремительном жеребце – сам Отец Дружин – спустился с высоких небес, чтобы биться с ними плечом к плечу, чтобы защитить их землю и семьи от тех, кому не стало места в Упорядоченном.

Твари, люди и нелюди, все, кто врывался в чужие миры, спасаясь от Неназываемого или гибельных отзвуков божественной битвы, встречали на своем пути Его – могущественного хозяина волшебного коня и золотого меча. И имя ему было Один. И ныне он был богом. И те, кто обращал к нему свои мольбы о спасении и помощи, всегда были услышаны.

Покуда Новые Боги пытались возратить вверенному им мирозданию покой и благословенную тишину, покуда они – Хедин и Ракот – силой магии и воли удерживали в относительном равновесии чаши мировых весов, он – теперь уже не старик Хрофт, а Великий Один – мчался на не знающем усталости Слейпнире сквозь бесконечную череду миров, каждый раз вихрем врываясь в самое сердце битвы. Туда, где как последнее средство, когда бессильны меч и волшба, раненые полумертвыми губами произносили древнюю как мир молитву Родителю Ратей.

Хедин и Ракот стали богами Упорядоченного. Этот жребий был не по сердцу Одину. Он был богом людей. Будучи Хрофтом, заключенным как в подземелье в тесную и темную клетку своего одиночества и бессилия, он достаточно насиделся без дела, лелея свою месть. Теперь, когда само Упорядоченное вернуло ему силы и былое величие, когда старые враги повержены или бежали, Древний Бог не желал тратить ни единого мгновения. Жадно упиваясь вновь обретенной мощью, бросался он из битвы в битву, щедро поя меч кровью тех, чье сердце отравило страшное время сражения богов. Вставал на пути тех, кто надеялся урвать свой кусок с края покачнувшейся чаши Упорядоченного.

Благословенный удел Древних Богов – яростные битвы и щедрые пиры. Вот то, к чему вернулся он, к чему стремился. Сбылось то, чего желал он долгие годы, запершись от мира в своем горном обиталище, – все стало как прежде.

Ковш замер в руках Одина. Пламя костров плясало под кипящими котлами, весело подмигивая победителям. Один скользнул взглядом по усталым лицам тех, с кем пришлось нынче разделить битву и трапезу. Это были большей частью люди. Поодаль, у другого костра, в вечернем полумраке виднелась громоздкая фигура гоблина. К костру, у которого сидел Один, приблизилась пятерка суровых гномов. Люди тотчас расступились, пропуская к огню верных союзников Отца Дружин.

Один молча поднял ковш, сперва лишь коснулся его губами, намочив вином усы. И тут же, бросив из-под бровей быстрый веселый взгляд, приник к ковшу, осушая его до самого

дна, оставив лишь пару глотков – чтоб не быть этой земле пустой. И плеснул остатнее в огонь, который радостно принял божественное подношение, вспыхнув снопом золотых искр.

И тотчас суровое молчание лопнуло, окатив Отца Дружин гомоном голосов. Словно расступилась тягостная пелена, и вместе с вином из ковша выплеснуто было горе, сгорела беда в желтом пламени. Радость победы заговорила, запела у костров, стерла следы страдания и усталости с лиц воинов.

И в этот миг озаренные отблесками пламени люди и гномы напомнили Одину других, Древних, Великих. С которыми пивал и смеялся он давным-давно, когда весь мир принадлежал им. Он видел лица сыновей и друзей. И что-то горячее и тяжелое сдавило горло невидимым обручем, заставив снова припасть к кубку, наполненному чьей-то дружеской рукой. Долгие века бушевала в груди ярость и жажда мести. И теперь, стоило ей угаснуть, бездна, клубящаяся серая пустота, сродни той, что составляет сущность Неназываемого, пожирала изнутри Отца Дружин, заставляя его вновь и вновь искать кровавой сечи, в которой он только и мог забыться, рубя Золотым мечом врагов и чудищ, а с ними – свою отравленную память.

Великий Один мотнул головой, отгоняя видения прошлого, и они покорно отступили, дожидаясь своего часа. Рассеялось серое марево перед божественным взором, и из него появились радостные, раскрасневшиеся от вина и спора лица воинов, пестрые лоскуты пламени, жадно лизавшего дерево, крупные капли на стенках котлов, в которых клекотала похлебка. И пристальный взгляд от другого костра.

Один взгляделся в сумрак, но различил лишь рогатый шлем и варварский доспех. Лицо сидящего было скрыто темнотой. И все же Отец Дружин чувствовал на себе цепкий и горячий взор. Смотревший и двое или трое его воинов поднялись и, снимая шлемы, шагнули к костру, возле которого среди новых товарищей сидел Отец Дружин. По наплечным пластинам рассыпались растрепанные светлые косы. Воительницы одна за другой принимали чаши из рук соратников. Пили. Хмелели. И вот уже, оставив у костра оружие и сняв все, вплоть до длинных нижних рубаш, неслись в неверных отблесках костра в диком танце победы. И горячее дыхание этого танца застилало глаза жаркой пеленой. Оно, это дыхание, да цепкий жадный взгляд повели Одина в темную, дышащую кровью и цветами степь. Вдали шумели у костров пирующие, где-то рядом стонали раненые. Высокие стебли сухих трав нещадно рвали светлые пряди из разметавшихся девичьих кос, царапали покрытые шрамами плечи и бедра. И совсем ненадолго Отцу Дружин удалось заставить призраков убраться, оставив лишь приторный запах пота и смятой травы да предвкушение новой битвы, которую принесет забрезживший над дальним лесом день.

Один ушел до наступления утра. Не прощаясь с хмельными товарищами на час, не пытаясь вспомнить, которая из светлокосых дев была с ним минувшей ночью. Что-то вновь звало его, влекло куда-то. Отчаянный крик о помощи. Хьёрвард?!

Неужели кому-то могла понадобиться его помощь там, в Хьёрварде? Месте, куда он и стремился и не хотел возвращаться. Там, где были единственные близкие ему люди, те, кого он, пожалуй, назвал бы друзьями. Там, где все напоминало о бессилии и многовековом заточении, об утоленной жажде мести и мучительной тоске по былому.

Один уже готов был взлететь на коня. Слейпнир тоже почувствовал зов и теперь рвал копытами землю, готовый в любое мгновение на него откликнуться.

Но слышный лишь богам крик оборвался. Затих в глубинах эфира, оставив только смутное тревожное эхо.

Один прислушался. Ответом ему была тишина. Отзвуки нескольких битв в двух или трех сопредельных мирах поглотили высокой волной ту легкую рябь, что осталась после оборвавшегося зова. И Один уже решился броситься туда, где кипела самая жаркая битва, где он мог бы вновь дать волю золотому мечу. Но что-то заставило его помедлить.

Не шел из головы оборвавшийся зов. Память участливо подсовывала видения хорошо знакомых мест. Хьёрвард.

Десять лет – смешной для бога срок – он не был в Хьёрварде, предпочитая тешить божественную волю там, где находилась работа мечу. За десять лет Хедин и Ракот изменились едва ли. Но Хаген, Ильвинг... Даже мальчишка Хагена наверняка уже подросток... Сыновья растут быстро.

Из лабиринта мыслей Одина вывел Слейпнир. Белоснежный божественный жеребец переступил ногами и фыркнул, словно насмехаясь над неуместной для воина задумчивостью хозяина. В черном глазу коня горело желание снова пуститься в галоп, пронизывая пространства и миры. И не столь важно, кто или что ждет их впереди. И Слейпнир торопил седока, нетерпеливо танцуя на месте.

Один склонился к уху коня и шепнул одно лишь слово: «Хьёрвард».

И пусть найти того, кто послал в Межреальность так внезапно оборвавшийся крик о помощи, едва ли удастся, можно будет хоть повидать друзей, вспомнить былое, насладиться теплом чужого очага. Чтобы потом вновь окунуться в водоворот очередной битвы.

Отец Дружин не торопился спешиваться. Он медленно подъехал к дому, стараясь отыскать у сарая коновязь, скрытую разросшимся подлеском и высокими розовыми свечками кипрея. Все было по-прежнему, и ничто не говорило о том, что за время отсутствия хозяина в доме побывала хоть одна живая душа.

Зато природа, жадно захватывающая все зеленая сила жизни, свободно хозяйничала в долине, не различая богов и людей. И старый дом Хрофта не стал исключением. Изумрудное море молодой зелени, расплескавшееся по подножиям скал, наступало на него со всех сторон, подбираясь под самые стены. Дерзкая тонкая березка, белая, как грива Слейпнира, из последних сил держалась на скате крыши. Травы и цветы переплелись так, что конь вынужден был высоко поднимать ноги.

Настороженно прошупав все вокруг заклятьем Видения и поняв, что во всей долине и на склонах гор нет и отзвука какой-либо магии, Хрофт спешил и повел Слейпнира к сараю.

Солнце клонилось к закату, заливая котловину янтарным светом, густым и горячим, как мед. Живые скалы уже начинали перешептываться на своем таинственном, неслышимом языке. И Один различил в их шепоте скрытую радость. Он был дома.

Он не спеша устроил Слейпнира на ночь и только тогда отправился к Дому, на ходу срубив мечом тонкое деревце, выросшее прямо на давно скрывшейся в траве тропинке. Рывком открыл разохшуюся дверь.

– Здравствуй, Старый Хрофт...

И тотчас острый наконечник арбалетного болта уперся Отцу Дружин едва ли не в переносицу. Хотя незнакомец в плаще с капюшоном был на две головы ниже ростом, дерзости ему оказалось не занимать. Крепкие маленькие руки не выпустили арбалет, даже когда Один одним движением левой руки отломил наконечник стрелы, а правой выхватил Золотой меч.

От одного вида этого меча и ярости на лице Древнего Бога любой другой в испуге бросил бы оружие и уже валялся на полу, умоляя оставить ему жизнь. Но не гость, пришедший в дом раньше хозяина.

Незнакомец ловко увернулся от сверкнувшего в воздухе меча, отбросил арбалет и выхватил свой клинок. Конечно, не чета Золотому. Но это был меч славной гномьей работы. Так что Отец Дружин даже удивился, откуда он у наглеца. Неужели верные гномы теперь куют такое оружие первому встречному, скажем, тому, кто способен бросить вызов Старому Хрофту?

И в тот же миг гномий клинок чиркнул о нагрудник из змеиной кожи и скользнул по руке Одина. Еще мгновение спустя Золотой меч разрубил его надвое, заставив человека в капюшоне попятиться и отступить в глубь дома.

– Кто ты? – глухим от гнева голосом спросил Древний Бог, стараясь увидеть скрытое капюшоном лицо противника. – Как ты прошел Каменных Стражей, если в тебе нет магии? Почему ты зовешь меня Хрофтом?

Ответа не было.

– Хрофта здесь нет и больше не будет! – взревел Отец Дружин, наступая на незваного гостя. – Есть только Один! И ты умрешь от руки Одина!

– Один мне не нужен, – наконец отозвался гость высоким, почти мальчишеским голосом. И на последнем слове, несмотря на дерзко поднятую голову и расправленные плечи говорившего, этот голос дрогнул, выдав неумело скрываемый юным гостем страх. – Один не поймет. Хрофт бы понял. А этот напыщенный старый дурак Один – едва ли. Раз Хрофта нет, мне здесь делать нечего.

Скороговоркой бросив в лицо Владыке Асгарда свою наглую отповедь, мальчишка – а под капюшоном определенно скрывался не взрослый воин, а отчаянный, глупый юнец – схватил отброшенный арбалет и метнул его куда-то за голову Одина, разбив единственное в доме окно. Дерзкий щенок! Он тотчас подпрыгнул, зацепился пальцами за потолочную балку, оттолкнулся от стены и, упав на корточки за спиной Одина, вскочил и бросился к выходу.

Но и Отцу Дружин было не занимать силы и скорости. Он вырос на пути юнца как скала. И парнишка на лету ударился плечом о каменные мышцы груди Отца Дружин и отскочил с криком отчаяния и боли. Наглец остановился, выставив перед собой что-то, замотанное в тряпицу. С головы наглеца медленно сполз капюшон. И Один с удивлением увидел лицо того, кто пробрался в его дом и посмел бросить ему вызов.

Это была девушка. Почти девочка, с короткими, кое-как остриженными темно-русыми волосами, выгоревшими на солнце. Бледная от испуга, но не спускавшая с противника цепкого и жесткого взгляда. И то, что она держала в руках, казалось, придавало ей сил.

Девчонка сорвала тряпицу. И выставила перед собой то, на что возлагала, по-видимому, последние надежды на спасение. Это был огарок восковой свечи. Небольшой, в ладонь или чуть короче. Такие свечи дороги. Но девушка, видимо, предполагала в этом огарке какую-то особую ценность.

Так или иначе, расчет ее оправдался.

– Так чего не сумеет понять Один? – едва сдерживая рвущийся наружу гнев, пророкотал Отец Дружин, не сводя взгляда со свечи. – Для чего тебе понадобился жалкий старик Хрофт? Выпить с ним эля? Поболтать о тех временах, когда никто и не слышал о Молодых Богах? Или о самих Великих, которые не придумали для побежденного лучшей кары, чем бессильная жажда мести?

Голос Одина креп и эхом отдавался от стен, заполнив собой все пространство хижины. И девочка с трудом сдерживала дрожь в руке.

– Хрофт, – наконец начала она так тихо, что первые слова потонули в громовых раскатах голоса Родителя Ратей, – Хрофт понял бы, чего я хочу.

– Чего же ты... хочешь? – насмешливо проговорил Один.

– Хочу, чтобы все было как раньше! – с вызовом, брезгливо скривив губы, выкрикнула девчонка. – А если не получится – отомстить.

– Кому? – Один сделал шаг навстречу гостье, но та отступила, почти к самому очагу. Перешагнула через лавку, словно полагая, что это смехотворное препятствие между нею и хозяином хижины может дать хоть полмгновения лишних, чтобы ответить на внезапный удар.

– Хедину, – едва слышно прошептала она, – твоему другу Хедину. Я хочу заставить богов все исправить. Хедин обещал – и должен выполнить свое обещание. А если нет – я попробую отомстить. И ты, Хрофт ли, Один, поможешь мне.

Отец Дружин нехорошо усмехнулся в густые усы и перешагнул разделявшую их скамью.

– Зачем МНЕ помогать тебе? Из сверхчеловеческих сил у тебя, я вижу, есть лишь глупость и дерзость. Но я достаточно видел наглых девок... – проговорил он, и от того, как звучал его голос, страх, казалось, парализовал все вокруг. Затих ветер, и само время замедлило бег, сгустившись в плотную завесу безмолвия.

И в этой вязкой тишине прозвучал ответ. Прозвучал не сразу, словно девчонка не была простой смертной. Словно была неуязвимой для магии и силы. Словно не ее в любое мгновение одним движением пальца мог уничтожить стоящий перед нею Древний Бог.

– В детстве... – начала она, словно припоминая старую, известную всем легенду, – дедушка любил рассказывать мне разные истории. О магах, героях, даже о богах. И была одна сказка. Сказка о новорожденном божестве. К его колыбели пришли три старухи, древние как мир. И две из них, любуясь младенцем, предрекли ему счастье. И только третья усмехнулась и сказала: младенец не проживет дольше свечи, что горит в изголовье его кровати. И тогда родители погасили и спрятали эту свечу. А после сам бог, возмужавший и вошедший в силу, укрыл Свечу своей жизни. Укрыл там, где, казалось, никто не сможет ее найти. В горе, у верных друзей, гномов. Он не стал ставить вокруг нее магических ловушек, чтобы ее нельзя было отыскать по следу магии. Он попросил гномов изготовить тысячу тысяч таких же в точности свечей и спрятал свою жизнь между ними... Тебе нравится сказка, Хрофт? – внезапно спросила девушка, тотчас отпрыгнув в сторону. И выброшенная вперед рука Одина схватила лишь пустоту.

Отец Дружин зарычал и кинулся на девчонку, но та в одно мгновение вцепилась в свечу двумя руками, собираясь переломить.

– Стой, Древний! – крикнула она. – Я не хочу твоей смерти. Я хочу лишь помощи. Не в мести. Месть у каждого своя. Просто дай мне достучаться до Хедина. Он не станет слушать смертную, не станет слушать девчонку, даже если эта девчонка приведет с собой целую армию. Но если рядом со мной будешь ты, Старый Хрофт... Он послушает.

– Можно подумать, тебе есть что сказать, – огрызнулся Отец Дружин. Не сводя с девушки взгляда, в котором сквозь пелену ярости мелькнуло удивление, а потом что-то еще. Неразличимое. Странное. Похожее на невысказанный вопрос и еще – на надежду. – И чего же ты хочешь от Хедина, девочка? – Хрофт, казалось, решил оставить попытки вырвать свечу у своей странной гостьи. Он повернулся к ней спиной и начал разводить огонь в очаге. Девчонка стояла все в той же позе, сжимая обеими руками свечной огарок.

Глава 2

Десятью годами ранее

Паром двигался медленно. Тяжело стонали под весом возов доски. Вода захлестывала через край, и на копытах и бабках лошадей, что стояли у самого борта, блестели алмазами капли.

Кони фыркали, люди бранились и толкались, стараясь переменить положение. Дорога на Хединсей оказалась долгой и тяжелой даже для самых опытных воинов. Одно дело – битва, где есть свобода мечу и руке, где рубишь и колешь, покуда есть силы. И совсем другое – удушающая теснота парома, многочасовое изнуряющее ожидание, без движения, почти без воздуха. Потому что над толпой, в которой смешались в адской окрошке люди, лошади и телеги, словно купол, стоял терпкий и вязкий запах железа, немытого тела да прелого исподнего.

– Дыши, Руни, давай же, вдохни, – древний, выдубленный временем старик лекарь настойчиво совал склянку под нос бледной девчужке лет восьми, что пыталась удержать дурноту, взобравшись на борт парома. Стоящая рядом лошадь переступила ногами, едва не столкнув девочку в воду. Старик ухватил внучку за край рубашки и снова сунул ей под нос свою склянку. Девочка, белая как фартук мельника, отвернулась, не желая поддаваться на уговоры деда, задрала покрасневший нос, но тут ее снова замутило. Под хохот соседей девчонка перегнулась через борт, и дед едва успел убрать от ее лица растрепанные волосы.

– На кой ты, старый мухомор, ее-то с собой поволок? – буркнул кто-то, кому не были смешны страдания несчастной Руни. – Или думаешь, Новым Богам нужна клятва твоей посвистушки? Она вон, не ровен час, кишки выблюет.

Кто-то вновь захохотал, кто-то зло плюнул за борт. За последнюю четверть часа паром, казалось, ничуть не приблизился к берегу острова. Белые башни были все так же далеки. Другие паромы ползли рядом. То здесь, то там слышались брань, лязг доспехов, фыркание лошадей и изредка – чей-нибудь недобрый хохот.

– И верно, дед, оставался бы со своей немощной в деревне, – вклинился другой, здоровяк со спутанной, торчавшей веником рыжей бородой. Уставшие от перепалки и тесноты люди нашли наконец того, на ком можно было выместить злость и усталость. – Сказано же: воинов бог Хедин на Хединсей призывает! Нешто ты или твоя малолетняя – воины? Она у тебя и меч-то не поднимет – пуп развяжется...

Старик даже не поднял глаз. Он лишь тянул и тянул внучку за полу вниз, под морду убогой пегой лошади, да совал ей в лицо склянку. Не желал, видно, старый лекарь гневить судьбу, потому и отводил глаза, как отводят те, кто хоть раз бывал крепко бит.

А вот девчонка, бледная и страшенькая от дурноты, худющая настолько, что ключицы едва не прорывают рубашку, явно умом и осторожностью пошла не в деда. Она задрала голову, желая ответить насмешнику. Тонкие губы искривились так презрительно, словно среди вони и давки стояла, едва держась за борт парома, не тощая малявка, а эльфийская принцесса. Она даже начала что-то говорить, но старик дернул ее за полу так сильно, что девчонка не удержалась на ногах и упала. Раздался новый взрыв хохота. Дед нырнул вниз вслед за маленькой дурочкой и вполголоса забормотал ей что-то наставительное. Девчонка насупилась, замолчала и больше не пыталась отвечать на насмешки. Однако выходка малявки немного смягчила звероющих от духоты и долгого бездействия воинов. Некоторые начали перешучиваться, кто-то пустился в рассказы о былых битвах. Да так заврался, что слушавшие его хохотали от души, забыв про наглую девчонку и ее деда.

А старик оправился от испуга, понял, что гроза миновала. И стал понемногу заговаривать то с одним, то с другим невольным соседом. И из этих разговоров стало ясно, что зовут его Ансельм и он лекарь. А девчонка – его внучка Рунгерд. И взял ее с собой старик лишь потому,

что оставить девчонку не на кого. Сирота. В деревне народ всякий, испортит кто девку, пока дед на Хединсей к Хедину, всеблагому и милостивому, ездит, и что с ней делать. А так – всяко под присмотром, под рукой.

Слушали его вполуха. Потому как старик и не скрывал, что идет на поклон к богам с какой-то своей просьбочкой. Старый попрошайка-лекарь еще бубнил что-то, но на него уже не обращали внимания.

Девчонка примерно сидела возле ног деда минуту или две, но, улучив момент, когда дед предпринял новую попытку заговорить с очередным невольным соседом, на четвереньках проползла под животами лошадей, доставая из сапога крошечный, почти игрушечный ножик. Нырнув в толпу воинов, гогочущих над очередной сальной шуткой, малявка ужом просочилась между ногами и древками и неловким, но быстрым и легким движением шаркнула своим игрушечным ножиком под внушительным животом рыжебородого шутника. Тотчас к ней в ладошку упал худой кошель балагура. Руни юркнула обратно в опасное укрытие между ног нервно притопывающих лошадей. И только когда она уже присела вновь возле деда, рыжебородый заохал и разразился ругательствами, потому что его штаны медленно поползли вниз, открывая новым приятелям поросшие медным мехом кривые ноги вояки.

– Руни, – зашипел дед тихо, так что среди гомона и смеха, центром которого оказался рыжебородый толстяк, никто не услышал его, кроме притихшей Руни, – ты что творишь, паскудница? Жалел, порол мало... Так вот теперь этот господин вышвырнет нас с тобой за борт да похочет с друзьями, как ты пузыри пускать станешь...

– Он надо мной смеялся, – огрызнулась Руни, стараясь повернуться так, чтобы дед не заметил кошелька, спрятанного за пазухой, – а сам и не приметил, как я ему с зада штаны срезала. Надо было спереди оттяпать. Он бы и не хватился, мало ли что там под брюхом болтается. Вот тогда посмеялся бы он...

– Посмеялся бы, уж поверь мне! – Старик ударил внучку по щеке, любя, жалеючи – только ладонь скользнула по русым вихрам, но на щеке девчонки тотчас загорелся румянец гнева и стыда. – Не смей, не смей больше. Тебе жизнь не дорога, так обо мне подумай. Дождешься зла, покуражатся над тобой, моей старости не пощадят. И богов не прогневят, потому что храбрость и добрый меч богам милы, а девки для того и на свет родятся, чтобы их...

Старик не успел договорить. Кто-то тронул его за плечо.

Альв будто соткался из воздуха. Еще мгновение назад никого не было рядом, только фыркали да тревожились лошади. И вот перед Ансельмом вырос высокий, худой и совсем молоденький на вид альв в длинном зеленом плаще, насколько можно было судить о возрасте по этим совершенным лицам, что достались народу альвов от их создателей Перворожденных. Длинные темные волосы стекали по плечам чужака как расплесканный деготь. Прозрачные, цвета молодой листвы глаза внимательно смотрели – нет, не на лекаря – на сжавшуюся, словно готовый к отчаянному броску зверек, девочку.

– Мне понравилось то, что ты сделала, – сказал он ласково, протягивая ей руку, – ты могла бы пойти со мной.

– С какой стати? – возмутился старик лекарь, шаря глазами по толпе в надежде, что кто-то заметит наглеца альва и поможет дать зарвавшемуся юнцу укорот.

– Эта девочка нуждается в хорошей пище и обучении. – Альв чуть склонил голову набок, рассматривая старого Ансельма, как рассматривают жука, внезапно обнаруженного в центре полевого цветка. – Ты, старик, видимо, лекарь? И лекарь дурной, иначе девочка не была бы так худая. И судя по твоему изношенному плащу, давно на мели. А из нее, – альв показал тонким изящным пальцем на девчонку, – может выйти воительница, даже несмотря на то что это всего лишь простая смертная.

Руни все еще смотрела на чужака исподлобья, но в ее глазах, помимо страха и недоверия, мелькнуло и удовольствие от странной похвалы альва.

– Шли бы вы своей дорогой, молодой господин. – Со странной смесью подобострастия и раздражения старик попытался встать между альвом и Руни. Но красавец чужак был выше лекаря на полторы головы. Он просто продолжал ласково смотреть на девочку поверх обвисших полей старой шляпы врачевателя. Лекарь попытался выпрямиться, расправить худые старческие плечи, но тут за спиной молодого альва появились еще двое. Нет, они не соткались из воздуха. Эти двое вынырнули из толпы, что все еще гудела после происшествия с рыжебородым. Альвы приблизились. Один остановился поодаль, продолжая переговариваться о чем-то с высоким сухопарым старцем. Другой окинул взглядом своего молодого товарища, старика, девочку-заморыша и, мгновенно разобравшись, что к чему, тихо и жестко произнес:

– Старик, этот благородный альв желает купить девочку. Какова твоя цена?

– Ах ты, остроухое отродье! – завопил старик, так что гомон на пароме сразу стих. Множество глаз устремились на беднягу-альва, и смотрели эти глаза очень нехорошо. – Мало вам того, что Всеблагой Хедин дал вашему племени? – заметив обратившиеся к ним взгляды и сурово сведенные брови воинов, во все горло заблажил старик. – Уж и не знаю, за какую такую помощь! Так теперь внученьку! Единственную! Сиротинку! Да чтоб я вашему племени изверскому на поругание отдал?!

Будь помощь нужна старому попрошайке, едва ли кто из стоящих рядом пошевелил бы пальцем. Но дома у каждого второго осталась на печи такая вот малявка Руни – пусть и не похожая на эту маленькую гордячку в поношенном платье, но такая же хрупкая, уязвимая, ручки – две в отцову ладонь скроются по запястье. И не вернись отец из боя – тоже была б сирота.

– Отец и братья у тана Хагена на службе головы сложили, – продолжал причитать дед, умоляюще протягивая руки то к низкому серому небу, то к тем, кто еще недавно осыпал его насмешками. Альвы стояли неподвижно, и лишь тот, что разговаривал со старцем, неодобрительно покачал головой, недовольный тем, что каприз молодого господина привлек столько внимания.

– Успокойся, добрый человек, – уверенно произнес тот альв, что предлагал назвать цену. – Мы не желаем зла тебе или твоей внучке. Подобно всем вам, – он обвел повелительным жестом придвинувшуюся толпу, – мы с братьями идем на Хединсей, чтобы принести клятву Новым Богам и предложить свои мечи и знания великому тану Хагену. И, я надеюсь, во избежание печального непонимания, могу я предложить тебе, досточтимый лекарь...

– Ансельм, – подхватил старик.

– ...лекарь Ансельм, – даже не взглянув на старика, продолжил альв, – и твоей внучке воспользоваться нашим покровительством и гостеприимством на Хединсее.

Смешанные чувства отразились на лице старого лекаря. Ансельм пожил на этом свете и знал, что стоит принять предложение альвов, как он окажется в хорошей комнате, у огня, перед большой порцией недурной еды. Он будет спать на хорошей кровати. Лучше той, что осталась дома в деревне. Но рискует, проснувшись, обнаружить, что зеленоглазый молодчик увел Руни, оставив ему на столе горсть медяков.

Голос крови победил упрямое урчание желудка. Лекарь отрицательно покачал головой.

Альвы не пытались снова раствориться в толпе на пароме. Плотная стена воинов окружила их. И все могло бы закончиться худо, если бы в этот самый момент кто-то не крикнул с берега: «Бери правей!» И все вдруг увидели, что, такие далекие еще несколько минут назад, белые башни Хединсея приблизились, нависли над самыми головами. И соседние паромы, один за другим, уже приставали к берегу. Растеряв всю суровость, воины принялись торопить паромщиков.

Пользуясь суматохой, юный альв наклонился к Руни и шепнул, едва касаясь тонкими губами ее зарумянившегося от смущения уха:

– Если однажды ты захочешь чего-то большего, чем срезать кошельки, знай, что кто-то в Альвланде ждет тебя, маленькая смертная.

Руни совершенно смутилась, опустила глаза. А когда подняла, безымянный альв и его спутники уже смешались с толпой, торопившейся к воротам.

Казалось, весь Хединсей стал в одночасье подобен парому. Заполненный людьми, гномами, альвами, он гудел, как улей, ожидая явления Новых Богов. Кое-где в толпе виднелись громоздкие фигуры гоблинов – избранных из числа тех, кто удостоился чести лично принести присягу Хедину и Ракоту.

Те, кто прибыл на Хединсей заранее, спасаясь от духоты, сидели на каменных плитах в тени навесов, разложив прямо на камнях захваченную в дорогу еду. Кто-то спал. Те, кто спускался на берег со все прибывающих паромов, присоединялись к сидящим. Постепенно все пространство, все ниши, проемы, каждая пядь узких улочек – все оказалось заполнено народом. Вновь прибывшие, сперва осторожно выбиравшие место, куда опустить сапог, вскоре перестали церемониться, наступая на ноги, руки, фляжки, отшвыривая сапогами надкушенный хлеб, неосмотрительно положенный кем-то на край плаща. Всюду бранились, то и дело вспыхивали драки.

Те, кто уже не надеялся раздобыть место в крепости, укрывшись плащами, накидками, а кто и тулупами, спали в привязанных у берега лодках. Благо, волей Новых Богов, погода сжалась над Хединсеом, и хотя низкие темные тучи медленно ходили над его белыми башнями, возле стен царило полное безветрие и ни одна капля дождя не потревожила тех, кто прибыл на божественный зов.

В одной из лодок, хозяину которой посчастливилось попасть внутрь крепости, спал старик лекарь. Руни сидела на корме и следила за движением туч. Мучимые безветрием, они, словно могучие воины, набившиеся в хединсейскую крепость, напирали друг на друга, наливаясь темнотой. И, казалось, одного-единственного дуновения ветра достаточно было, чтобы их молчаливое недовольство переросло в грозный ропот, чтоб уязвленная гордость, бродящая в этих сизых, нависших над самым морем тучах, вырвалась на свободу, рассекла небо мечами молний.

Руни запрокинула голову, стараясь силой мысли заставить тяжелые облака разойтись в стороны. Она представляла, как наливающиеся грозовой синевой громады расступаются, открывая только для нее кусочек неба. И в этой прозрачной льдистой голубизне распахивается золотая, щедро украшенная алмазами и причудливой резьбой дверь. И из нее появляется отец. А за ним – одетые солнечным светом братья. Отчего-то казалось, что герои, павшие на поле боя, должны жить там, за облаками, в золотом сиянии. В руках у них должны гореть колдовским светом чудесные мечи. И волосы, не такие, как при жизни – такие, как у того альва, что говорил с ней на пароме, – гладкие, ниспадающие волнами на плечи волосы их будут излучать свет, когда по одному лишь слову того, кто истинно верит, бог Хедин призовет ушедших обратно, подарив новую жизнь. И Руни молилась, безмолвно и горячо, чтобы все было именно так. Достаточно лишь попросить всемилостивого Хедина. И дед попросит, он обещал. И тучи, широкими плечами закрывающие небесные врата, позволят отцу вернуться.

Глаза девочки сами собой заполнились слезами, отчего по рыхлой гряде туч поплыли радужные пятна. Руни моргнула раз, другой, надеясь остановить закипающие слезы. Капли слетели с ресниц, но сияние не исчезло. Напротив, оно ширилось, росло, прожигая в облачной пелене огненное око. И вот уже все небо над головой девочки запылало нестерпимым огнем. И из этого огня появился Он. Могучий, громадный как гора, прекрасный как грозное море. Величественный воин, восседающий на спине удивительного чудовища, сплошь покрытого антрацитовыми перьями. Чудесный всадник спускался с небес, казалось, прямо к ней,

Рунгерд. Его пронзительно-синие глаза смотрели ей в душу, и алый плащ бился и трепетал за спиной прекрасного небесного варвара. И сердце Руни забилося и затрепетало с ним в такт.

Подняв руку в приветственном жесте, бог со своей небольшой, но ужасающей свитой, в которой смешались самые жуткие, самые немыслимые творения Тьмы, пронесся мимо под ликующие возгласы воинов, которые тотчас потянулись на новый штурм ворот, желая оказаться поближе к богам.

Руни выскочила из лодки и понеслась следом. Ей не составило труда пробраться через толпу. Она ныряла между ногами людей и лошадей, резала ножичком мешавшие движению плащи. Ее волокла вперед непреодолимая сила – желание еще раз поймать взгляд синеглазого бога, жажда увидеть его, увидеть близко, закручивалась тугим комом где-то в животе, где еще совсем недавно говорил лишь голод.

Рунгерд вынырнула из толпы, как юркая рыбешка из рук старика. Ее не остановили. Но перед собой она увидела не красавца варвара – тот парил высоко над головами людей и башнями крепости, а кого-то совсем другого. Он не был высокого роста, не был необычайно широк в плечах, но что-то в его взгляде, темном, властном и страшном, заставило Руни попятиться. Однако толпа не дала ей скрыться.

– Хедин, бог Хедин, – зашептали сзади, и у Руни похолодели руки.

Великий Хедин, Хедин, Познавший Тьму, вышел к воинам простым смертным. Ни сияния, ни магических причуд, ни чудовищ – ничего. Словно стесняясь собственной божественности, он поднял руку, приветствуя всех. В ответ ему взметнулись сотни рук. И вот тут не обошлось без магии, потому что только она могла позволить полутора тысячам людей, задавленных толчеей в разных частях крепости, видеть и слышать бога так, как если бы он стоял от них в двух шагах.

– Я и мой брат, – проговорил Хедин в установившейся за мгновение оглушительной тишине, – приветствуем всех, кто пришел на наш зов.

Толпа ответила радостным ревом и звоном оружия, к которому присоединилось гулкое рычание спутников Ракота, чудовищ крылатых и бескрылых. Многие из них расположились на шпилях башен и крышах, вцепившись когтями в карнизы и трубы.

– Мы вышли из Великой Войны, – проговорил Хедин негромко, но его голос покрыл рев толпы. – Вышли с победой. Но у нас... еще остались враги. Я и мой брат, мы – не прежние, Молодые Боги. Мы не станем прятаться в Обетованном. Мы не станем грозить издалека. Мы не сдадимся. Я – не побегу ни от кого. И я знаю, что вы – тоже. И потому я позвал вас сюда. Потому явился перед вами в теле смертного. Чтобы вы, каждый из вас, ваши внуки и правнуки знали, что я – с вами! Я сделал смертного моим учеником. И сегодня я даю клятву верности всем вам. И в ответ ожидаю верности. Сейчас, когда наши враги ищут любую, даже самую малую брешь, чтобы нарушить этот, едва установившийся мир и равновесие, ваша верность – вот то, о чем я прошу. Прошу уберечь себя и свои семьи от тех, кто хочет взять силой ваш дом и наш мир, и – более всего – от тех, кто станет искушать вашу душу, соблазнять обещаниями власти и силы, сулить неисчислимые богатства. Не на богах держится Упорядоченное. Мы лишь те, кто поддерживает его в равновесии и мире. Оно стоит на каждом из вас. Покачнется один – оно выстоит. Но если враг, искушитель найдет дорогу к вашим сердцам...

Хедин замолчал, давая каждому возможность увидеть перед мысленным взором то, от чего ужас рождается в душе, и содрогнуться от этого ужаса.

– Идите в свои дома, идите в свои города. И храните мир, – продолжил он почти печально.

– Идите. И мы будем с вами незримо, – прогреготал над толпой голос того, кто носил имя Повелителя Тьмы. Ракот на своем летучем чудовище двинулся по небесам вокруг острова, продолжая звать и вещать.

Но Руни даже не взглянула на него.

Она лишь сделала шаг вперед, туда, где стоял Хедин. Новый Бог и в смертном обличье внушал страх. Брови его грозно сошлись к переносице, губы были сжаты в тонкую линию. Глубокая складка усталости и неизбежной боли залегла в углу этих губ.

Но при взгляде на выступившую вперед девочку лицо Хедина чуть смягчилось.

– Чего ты хочешь? Принести мне и моему брату клятву верности? – с едва уловимой улыбкой спросил он.

– Нет, – ответила Руни, холодея от собственной дерзости. – Я хочу попросить тебя... сдержать обещание.

– Я... что-то обещал... тебе? – Новый Бог недоуменно поднял бровь, устремив на девочку пронизывающий взгляд: надменный, насмешливый и одновременно полный печали.

– Верни мою семью, – выпалила Рунгерд, для храбрости сцепив в замок руки, отчего получилось что-то вроде молитвенного жеста. – Верни моего отца и братьев, что погибли, защищая твоего ученика, тана Хагена. Все говорят, что ты обещал вернуть тех, кто погиб в битве на стороне Новых Богов.

– Все говорят? – с угрозой произнес Хедин, и в его голосе прозвенел металл. – И ты веришь... всем?

Рунгерд поняла, что все испортила. Она сказала что-то не то. И теперь милостивый Хедин не вернет отца. Не захочет. Лучше бы говорил дед. Он всегда умел подольститься к господам. А она, Руни, способна лишь наломать дров.

Она не успела ответить. Из толпы вырвался растрепанный, лишившийся плаща и шляпы старик Ансельм.

– Нет-нет, – пролепетал он, заталкивая внучку за спину. – Не слушайте ее, о господин наш, милостивый и милосердный.

Лекарь упал на колени, увлекая за собой в пыль и растерявшуюся Руни.

– Сирота, – залопотал он, – девчонка. Растет без отца-матери. Вот и мелет, что на язык лихо положит.

Руни попыталась подняться, но дед снова дернул ее за руку, и девочка ткнулась лицом в пыль.

– Все вы, женщины, одинаковы, – расхохотался Новый Бог, – норовите обменять свою клятву верности на что-нибудь ценное. Вставай.

Рунгерд поднялась, уцепившись за плечо деда. Вытерла рукавом перепачканное лицо, отчего, казалось, стала еще грязнее.

– Ты права. Я обещал вернуть самых отважных и верных. Тех, кто встал на мою сторону и под знамена Хагена в трудные времена. Не одна ты ждешь возвращения своих близких. Но сейчас, когда в чаше мироздания еще не утихли отголоски бури, когда все Упорядоченное лихорадит от последствий минувшей войны, – есть дела более неотложные. Но обещания я исполню. В свой срок.

Одобрительный гул прошел по толпе, жадно ловившей каждое слово небывалого разговора: живого бога – и смертной малявки с перепачканным пылью лицом.

– Наступит время, и, если это возможно, я верну тех, кто тебе дорог. Верну каждого. И сегодня я прощаю тебе твою дерзость, – в голосе Нового Бога прозвучала стальная снисходительность, – и принимаю твою клятву верности.

– Тогда... пока я ее тебе не даю, – выкрикнула Руни.

Казалось, не мгновение – доля мгновения, и небо расколется над головой Рунгерд. Взгляд Хедина прожжет ее насквозь. Но старый Ансельм втащил внучку в толпу и поволок прочь. Перед ними расступались, как перед прокаженными.

Глава 3

– Я хочу, чтобы Хедин исполнил свое обещание, – проговорила девушка, пристально следя за каждым движением Одина. В очаге заплясал желтый язычок огня. Отец Дружин придвинул к нему руки.

– Привычка, – просто сказал он, словно самому себе. – Когда я был еще Хрофтом, озлобленным старым Хрофтом, которого ты так хотела видеть, я больше всего, больше Молодых Богов и предателей магов, больше служащих им гнусных тварей ненавидел холод. В Хьёрварде в это время такие холодные ночи. Смертные ведь тоже страдают от холода? Хочешь, подойди к огню.

В голосе Одина звучала искренняя забота. Но Руни слышала много сказок о его мудрости и хитрости, поэтому осталась стоять в той же напряженной позе, сжимая в руках свечу.

– Ты смешна, – продолжил Древний Бог, поворачивая ладони перед разгорающимся огнем. – Смешна и глупа. Ты угрожаешь мне, не доверяешь и все же уверена, что я соглашусь помочь. Ты явилась ко мне, вооруженная сказкой и нелепой верой в то, что сам бог Хедин что-то задолжал тебе. Поверь, если бы я желал убить тебя, то ты уже была бы мертва. Если бы мне требовалась твоя боль – ты страдала бы так, что сам Демогоргон пришел бы забрать тебя с собой, чтобы избавить от этих страданий. Так что не глупи и садись к огню. Приближается ночь. Время Живых скал. И если ты пожелаешь уйти сейчас – это будет худшим способом самоубийства. А я не хочу слышать сквозь сон твои крики и плач, когда Скалы станут выпивать твою душу и истязать твой разум. Я гостеприимный хозяин.

– Я ощутила твое гостеприимство, Древний Бог, – пробормотала девушка, все же пряча свечу в сумку и усаживаясь к огню, – когда моих воинов давили Стражи, стерегущие подходы к твоему жилищу.

– И как же ты миновала детей Живых скал? – спросил Один равнодушно, словно ответ вовсе не интересовал его.

– Меня вела моя звезда, – уклонилась от разговора гостья, протянула руки к огню, как это несколько мгновений назад делал сам хозяин.

– Значит, эта же звезда привела тебя... к Свече?

Девушка не ответила. Они сидели молча. Небо, видимое через единственное окно Хрофтова жилища, постепенно наливалось чернильной темнотой. Прямо над перекрестьем рамы вспыхнул далекий дрожащий огонек, затем еще один. Девушка мучительно боролась со сном. И хотя под глазами незваной гостьи залегли глубокие тени усталости, ее напряженный взгляд горел темным огнем. Одину был знаком этот пламень. Он помнил себя таким же. В тот день, перед битвой на Боргильдовом поле. Все чувства, божественный разум и примитивный животный инстинкт – все восставало против того решения, что он принял. Но воля и гордость гнали его вперед, навстречу Молодым Богам и их ратам. Без надежды победить. Может, и ему, как этой девочке, что-то шептало в висок: «Удача любит дерзких». Это теперь он знал, что удача любит терпеливых и мудрых. Осторожных, как Хедин.

В тот день на Боргильдовом поле он потерял всех. И много веков учился быть терпеливым и мудрым, чтобы отомстить. Но месть не принесла облегчения. Он вернул себе имя. Вернул силу. Вернул величие. Осталось лишь одиночество, жадно терзавшее его душу. Одиночество, которое он поил кровью врагов, своих и чужих.

И тут... эта девочка. И свеча. Свеча, которую он спрятал и не ожидал увидеть в руках обычной смертной. Та самая Свеча. Узнать ее могли лишь те, кто остался навек на Боргильдовом поле.

А может, кто-то сильный и жестокий, не насытившийся его многовековыми страданиями, решил вновь сыграть с ним злую шутку, заставив поверить в то, что один из тех, Древних, сумел

вернуться. Выбраться из далеких чертогов Демогоргона. Что кто-то из его друзей, сыновей, соратников, в том или ином обличье, ступает по земле в одном из миров Упорядоченного. Возможно, здесь, в Хьёрварде. И зов, так неожиданно прервавшийся, был его зовом.

Раненная горькой стрелой надежда взметнулась в душе Хрофта. Он бросил взгляд на девчонку. Она опасливо положила руку на сумку. Видимо, все еще думала, что обладание Свечой защищает ее от жестокой расправы Древнего Бога.

«Кто ведет тебя? – мысленно вопрошал Один, тончайшими нитями заклинания прощупывая пространство вокруг девушки, дома, магическим взором оглядывая склоны Живых скал. Но нигде не чувствовалось и следа магии. – Кто подсказал тебе, какая из тысяч свечей – моя?»

Пристальный, испытующий и вопрошающий взгляд Одина заставил девушку поежиться, поплотнее запахнув плащ. Она отвела глаза, напряженно вслушиваясь в тишину за стенами хижины.

– Рунгерд, – наконец нарушила она это тягостное безмолвие. – Меня зовут Рунгерд. Дочь мечника Торварда, внучка лекаря Ансельма. Но в народе меня зовут просто Девчонка.

– Народ уже дал тебе имя? – отозвался Один, по-новому глядя на тощую нескладную фигурку девушки.

– Да, у меня есть имя. И есть воины, что готовы идти за мной, – с достоинством проговорила Рунгерд, словно не она еще недавно зябко куталась в плащ, стараясь укрыться им от пристального взгляда Древнего Бога. – Есть даже маги, что готовы присоединиться ко мне. Но для того, чтобы добраться до Новых Богов, мне нужен ты, Великий Один, Владыка Асгарда, Родитель Ратей...

– Довольно имен, – прервал ее хозяин хижины, – ты можешь звать меня Хрофтом.

Рунгерд улыбнулась, мгновенно став старше и женственней.

– Благодарю, что согласился выслушать меня, Великий Хрофт, – сказала она, вынула из сумки и протянула хозяину дома круглую фляжку. – Это эль, – торопливо добавила Рунгерд, пока Хрофт вертел в руках фляжку, думая, принять ли этот знак мира или отвергнуть, чтобы девчонка не забывала свое место. – Я не знала, придешь ли ты на зов, и...

– Приготовила мне подношение? Эль?! – Хрофт расхохотался, так что эхо заметалось под потолочными балками. – Я что, домовый? И как же ты звала меня?

Лицо и шею Руни залил румянец стыда и обиды.

– Так, как зовут богов, – бросила она глухо. – Молитвой.

Так вот чей полный отчаянья зов привел его в Хьёрвард. Видно, этой дерзкой гордячке действительно нужна помощь, раз отголосок ее зова добрался до Хрофта так скоро, отразившись в зеркалах тысяч миров, чтобы быть услышанным. Древний Бог приложил губы к горлышку фляжки. Эль оказался превосходным.

– Видно, молишься ты лучше, чем владеешь мечом, – насмешливо проговорил Древний Бог, видя как и без того алые щеки девушки становятся пунцовыми от подступающего гнева. – И ты решила, что если встретишься с Хрофтом, то он ради смертной девчонки пойдет против Хедина? Или это тоже рассказал тебе дед?

– Нет, – ответила девушка, устремляя взор на огонь в очаге. – Это говорил отец. Он говорил, что Хедин и Хрофт – те, кто будет держать Упорядоченное на своих плечах, обливаясь кровавым потом, только для того, чтобы мы, смертные, гномы, альвы и их родители, Перворожденные, жили. И потому каждый, кто знает, что такое честь, не усомнится в том, кому отдать свой меч.

– Твой отец был глуп, раз находил время так высокопарно говорить с сопливой девчонкой. – Хрофт снова отхлебнул эля и вернул фляжку гостье.

– Он говорил это не мне. – Девушка, не повернув головы, взяла не принятый богом дар, но не сунула обратно в сумку – продолжала безразлично вертеть фляжку в руках. – Он гово-

рил это моим старшим братьям. И все они, все трое, ушли вместе с отцом, чтобы встать под знамена хранимого судьбой тана Хагена. Отец погиб в храме Ямерта, принял в грудь шар пламени, предназначенный для его тана. Тормунда и Торлейва превратили в кровавое месиво палицы древесных великанов когда-то кроткой Ялини. Последнего, Вегеста, сожрали муравьи великого мага Мерлина на волшебном острове Авалон. И я даже не знаю, где упокоены кости тех, кого я любила. Но мне часто снится ком колдовского пламени, летящего мне в грудь. И тысячи огромных муравьев, жадно щелкающих жвалами. Может, было бы легче не знать, как они ушли. Но Фьялар, друг Вегеста, счел по-своему. Он пришел к нам в дом, чтобы утешить вестью о том, что отец и братья умерли героями, сжимая в руках верные мечи.

Он сказал, что Новый Бог Хедин обещал вернуть самых преданных из людей своего ученика.

И я, и дед – мы поверили.

Я продолжала верить, даже когда Новый Бог Хедин посмеялся надо мной. Но потом умер дед. И я осталась одна. Ты знаешь, Великий Хрофт, каково это. И эту тоску, что внутри, оказалось нечем заполнить. Нечем, кроме желания отомстить. От отца мне досталась любовь к мечу, и только впервые напоив его кровью, я поняла, что не могу просто ждать, когда Хедин исполнит свое обещание. Поэтому я прошу тебя о помощи, Хрофт. От тебя не потребуется многого. Я не прошу тебя пойти против дружбы с Новыми Богами. Просто дай мне шанс еще раз увидеть надменное лицо бога Хедина и спросить, когда он намерен выполнить обещанное.

Хрофт устало вынул фляжку с элем из рук девушки, одним глотком осушил ее почти до дна и привычно выплеснул в огонь остатки.

– Зачем тебе это? Даже если Хедин вернет твоих родных, тебе, мятежнице, этого не увидеть. Ты, почитай, уже мертва за одни только слова, что наговорила здесь. За одни только твои мысли. Единственное, что удивляет меня сейчас, что ты и твои воины еще живы. И тебе хватает глупости и дерзости требовать?!

Рунгерд встала и, обойдя вокруг очага, двинулась к двери, чуть приотворила ее, так что свежий, пахнущий травами ночной воздух ворвался в хижину. Пламя в очаге заколебалось, качнувшись навстречу чистому дуновению ночи.

– Мне ничего уже не нужно, – ответила она после короткого задумчивого молчания. – Признаться, я уже не помню отца. Не помню братьев. Но помню лица тех, кто ждал и не дождался милости от Новых Богов. И я хочу напомнить Хедину о той клятве верности, которую он принес тогда на Хединсее. У богов множество дел, более важных, чем слезы смертных. Они борются с врагами, мощь и силу которых мне не дано даже представить. Я это понимаю. Мы, люди, всего лишь песчинки, изредка попадающие в сандалии богов и магов. Но разве мы – не часть того, что само Упорядоченное вверило им для защиты? Молодые Боги бежали, и их место заняли Новые, но для тех, кто всю жизнь пахал и сеял, ничего не переменилось? Ведь ты, Отец Дружин, ты летишь на своем белоснежном Слейпнире на зов смертного воина, последним вздохом просящего тебя о помощи? Так отчего Хедин перестал слышать людей?

Ночной ветер шевелил полы коричневого плаща девушки и темные пряди волос. Там, за пологом ночи, скалы жадно тянулись к живому, надеясь получить свою долю крови и чужого страдания.

– Видно, я зря надеялась на то, что ты поймешь, Владыка Асгарда, – едва слышно сама себе ответила девушка. И, словно повинувшись зову Скал, сделала шаг за порог, другой, третий.

В одно мгновение Хрофт оказался рядом с ней, втащил за руку в хижину, захлопнул дверь, заставив Живые скалы испустить едва слышимый разочарованный вздох.

– Я услышал тебя, – сказал Древний Бог, отпуская руку девушки. Она потеряла плечо, удивленно взглянув в лицо Хрофта. – Я помогу тебе встретиться с Хедином. Возможно. И я пойду с тобой.

Они двинулись в путь утром, едва рассвело. Смыв ледяной водой из колодца усталость и тревоги бессонной ночи, Рунгерд забросила на плечо свою тощую сумку, взяла арбалет, с грустью посмотрела на то, что осталось от доброго гномьего меча. Едва ли ей повезет раздобыть еще один такой же.

Она уже миновала половину пути через котловину, когда ее догнал Хрофт. Слейпнир коротко фыркнул, когда Отец Дружин подхватил девушку за шкирку, как котенка, и усадил перед собой в седло. Белые бабки коня мелькнули в небе высоко над головами Каменных Стражей. Рунгерд вцепилась в длинную гриву Слейпнира, так что тот обиженно заржал, но Хрофт коротко шепнул ему что-то, и конь стрелой понесся вниз, туда, где, изумленно глядя в небо, остановился небольшой отряд.

Альвы поторопились скрыть удивление, опустили глаза, словно явление белоснежного жеребца и его могучего седока было для них чем-то обыденным. Рунгерд, пытаясь унять дрожь в руках, спешила первой. Быстрым шагом двинулась к своим, коротко отдавая приказы. Хрофт спешиться не успел.

Внезапно воздух наполнился едва уловимым потрескиванием магических разрядов. Паутина чужой волшбы ткалась вокруг них с такой быстротой и мастерством, что альвский колдун едва успел сплести отражающее заклятье, чтобы уберечь своих воинов от чьего-то не слишком сильного, скорее предупреждающего удара. Однако даже этот, вполсилы, удар в ключья разорвал защиту альвов. Колдун приготовился закрыть отряд новым заклятьем, но было понятно – он не успеет. Однако, к общему удивлению, не последовало ничего магического: ни шара огня, ни ледяных игл – ничего, что ожидал увидеть или почувствовать Хрофт. Вместо этого по склону навстречу альвам и их предводительнице двинулись два жутких создания. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы понять, что никакая природа, никакой мир, даже безумный от рождения или потерявший разум от нескончаемых катастроф и войн, не мог бы создать такое. Это были творения изощренной, прихотливой фантазии мага.

Они передвигались на двух ногах, упруго раскачиваясь при беге. В каждой из шести рук этих, казалось, сотканных из воздуха чудовищных воинов сверкал меч. Множество блестящих зрачков покрывали их торсы и спины, и взгляд этих обнаженных, не скрытых веками желтых глаз был полон такой страшной решимости, что альвский колдун замешкался, не зная, какую магическую защиту предпочесть, чтобы хоть на пару мгновений – нет, не остановить – замедлить тяжелый, но стремительный бег пугающего противника.

Рядом с растерявшимся волшебником внезапно вырос другой альв, темноволосый юноша в зеленом плаще, до этого спокойно стоявший за спинами других. Он сложил ладони, сплетая сильное и явно чужое колдовство, которое требовало от него чрезвычайного напряжения сил. Остальные, мгновенно выведенные из оцепенения этим движением, обнажили мечи, приготовившись сражаться. Молодой альв был, по видимому, неплохим волшебником, потому что непокорное заклятье наконец подчинилось ему. Между ладонями закрутился едва заметный сизый дым, который постепенно сворачивался в плотный шар. Юноша с чудовищным усилием – так что вздулись вены на его бледном красивом лбу – толкнул шар от груди в сторону того из чудовищ, что было на полшага впереди. И упал, обессиленный, явно не способный более не только колдовать, но и держать меч. Однако, к удивлению Хрофта, удар пришелся в цель. Дымная сфера не полетела в гиганта, она упала у его ног. И тотчас множество сизых бесплотных щупалец опутало ноги исполина, извивающиеся пряди тумана оплели, обездвижив, сначала две, а затем и четыре руки, так что мечи нападавшего со звоном упали на скрытые под тонким слоем мелкого песка камни. Шестирукий, окутанный сетью все выше поднимающихся по его телу щупалец тумана, еще пытался сопротивляться. Он отчаянно и слепо – туман уже закрыл последнюю дюжину желтых всевидящих зрачков – рубил двумя мечами сизые лианы мрака, то и дело нанося самому себе ужасные раны.

Второго монстра встретили мечи альвов. Хрофт не трогался с места. Слейпнир нетерпеливо фыркал, недоумевая, почему хозяин, с таким жаром бросавшийся в любую битву, остается в стороне. Но Хрофт даже не обнажил Золотого меча. Он ждал, что будет делать Девчонка.

Если так она пытается втянуть его в свою игру, сколь бы хитроумна та ни была, Древний Бог не станет играть по чужим правилам, не нарушит Закон Равновесия. Отец Дружин решил подавить закипавшее внутри желание ринуться на помощь альвам и остался недвижим.

Тем временем Рунгерд, потерявшая свой гномий меч в хижине Хрофта, разрядила арбалет в шестирукого. Однако стрелы не причиняли великану вреда. И не могли причинить. Его многоглазое тело окутывало защитное заклинание, рассчитанное именно на мечи и выстрелы из лука или арбалета. И будь Рунгерд хотя бы ученицей деревенского колдуна, она поняла бы это.

Несмотря на свой двадцатифутовый рост, гигант с удивительной ловкостью наносил и парировал удары. Длинные широкие клинки в его руках ежесекундно оказывались в опасной близости от горла или груди одного из альвов. Но воины Руни отличались не меньшей ловкостью, чем творение чьей-то искусной магии. Они уворачивались, стараясь достать шестирукого. Однако мечи только высекали искры, натываясь на невидимый панцирь защитного заклинания. Колдун направлял на свирепого и, казалось, непобедимого противника все новые и новые заклятья, пытаясь найти брешь в его колдовской броне.

И только Рунгерд, казалось, после неудачи потеряла интерес к схватке. Она ползала по земле, собирая что-то в свою сумку, из которой торопливо выбросила и фляжку, и весь тот нехитрый и скудный скарб, что считала необходимым носить с собой.

Похоже, сумасшедшая девчонка верила в свою звезду. И Хрофт ждал, что она предпримет.

Мечи альвов по-прежнему встречали в воздухе широкие клинки шестирукого. Но воины Рунгерд явно теряли силы с каждой минутой. Один из них уже припадал на правую ногу. Кровь не была видна на темной одежде, но при каждом движении альва мелкие красные капли летели с правой полы его плаща. Наконец раненый пропустил еще один удар ловкого противника. Отрубленная рука упала на песок, так и не выпустив меча. Следующий удар мог рассечь альва пополам, но не достиг цели.

Виной тому была Рунгерд. Она выпрямилась, подобно маленькой злой пружине, и вытряхнула из своей сумки все, что так кропотливо собирала, – облако мелкого как пыль белевого песка. Ветер тотчас метнул его в желтые глаза великана. Ослепший, он заревел и принялся с удвоенной скоростью рубить мечами, нелепо поворачиваясь вокруг своей оси. Но смертоносные клинки не встречали сопротивления. Альвы тотчас отступили, чтобы дать бой почти освободившемуся от туманного спрута второму врагу.

Хрофт одобрительно качнул головой, не сумев скрыть улыбку. Девчонка была наблюдательна и вправду потрясающе удачлива. Изменись направление ветра хоть немного, и ее дерзкий маневр удался бы едва ли. Несдобровать бы тогда раненому альву.

Но удача Руни хранила ее, как мать хранит самого непутевого из детей. Или, подумал Хрофт, хранит вовсе не удача, а кто-то сильный и мудрый. Возможно, тот, что научен мудрости и осторожности битвой на Боргильдовом поле. Тот, кто указал смертной девчонке Свечу Одина.

Хрофт напряженно вслушался в эфир, надеясь уловить и распутать заклятья, которые свивались вокруг Руни, альвов и их мощного и виртуозно владеющего мечами противника. И уловил их. Не те, что помогали Рунгерд, – другие, направленные на то, чтобы окончательно освободить от альвского заклятья поработанного туманом и вернуть зрение другому, ослепленному таким простым, бесхитростным и действенным способом. И на мгновение Хрофту показалось, что он узнает эти заклятья. Узнает их рисунок, узнает руку Мага. Сильного Мага из Поколения Хедина.

Хрофт едва не рычал от досады, что рядом нет ни одного из Читающих. Уж они помогли бы ему дознаться, кто обрушил на простую смертную и горстку альвов силу истинной магии. Читающие, те, кто сохраняет все заклятья, наверняка помогли бы ему найти след определенного волшебника. Теперь же Хрофту доставались лишь обрывки тающей в эфире сильной волшбы. И что-то знакомое, ускользающее за мгновение до узнавания, было в заклятьях, что пронизывали все вокруг Девчонки и ее неистово сражающихся воинов.

Ослепший гигант, яростно рубя воздух, так что широкие лезвия мечей превратились в серебряные сферы, чудом не задел Рунгерд. Она прокатилась по земле под ноги противнику. И Хрофт едва успел, не задумываясь, сплести простенькое защитное заклинание. Из тех, которыми пользовались Младшие Боги самой далекой древности. Из тех, что сплетаются сами, направленные тончайшим движением души еще до того, как разум успел оценить опасность. Сильные и изощренные в своем искусстве маги нынешние сочли бы такое заклятье слишком простым и грубым. Но оно дало Девчонке пару спасительных секунд. Руни легко, как разозленная кошка, подпрыгнула и уцепилась за громадные ножны на поясе шестирукого, подтянулась, вцепившись в одну руку, подтянулась снова. И вот уже оказалась на плече исполина. Одно мгновение, и выхваченная из колчана стрела вошла в ухо гиганта чуть ниже края черного шлема. Рунгерд изловчилась, припала к громадному, блестящему от пота плечу и глубже вогнала стрелу ногой.

Шестирукий взревел и начал заваливаться набок. Руни бросилась бегом по его руке, надеясь спрыгнуть, но не успела. Эфесом одного из мечей исполина ее ударило в висок. И Девчонка, нелепо взмахнув руками, полетела вниз.

И хотя Хрофт поклялся, что не позволит втянуть себя в игру Рунгерд, он едва не бросился туда, под ноги гиганта. Не за Девчонкой, за той надеждой, которая заставила его присоединиться к смертной маленькой воительнице и ее безумной затее. Он не мог позволить дерзкой девчонке умереть, так и не сказав ему, кто указал ей на Свечу. Пусть приведет его к тому, кто хранит отчаянную мстительницу. Возможно, к одному из тех, кого он когда-то оплакал. А потом сунет дурную голову хоть в пасть Гарму.

Хрофт уже готов был тронуть Слейпнира и за сотую долю мгновения оказаться рядом с Рунгерд, подхватить ее в седло. Но другая мысль резко отрезвила и остановила его. Кто-то довел Девчонку до его порога, кто-то провел ее через Каменных Стражей и был настолько уверен в ней, что оставил без магической защиты на ночь посреди Живых скал в жилище Древнего Бога, которому достаточно одного слова, чтобы подчинить ее волю и прекратить жизнь. Она сумела найти нужные слова, чтобы Старый Хрофт вернулся и вместе с ней двинулся в путь. Не по тропам Межреальности – по пыльным и каменистым дорогам Восточного Хьёрварда. И кто-то еще, пославший сейчас навстречу Девчонке шестируких монстров, кто-то смутно знакомый, сплетающий вокруг нее сильные, хотя и не смертоносные заклятья, уверен в том, что Рунгерд – не просто наживка на крючке перед носом Хрофта. Это не та пешка, которой можно пожертвовать, бросив на первом ходу под ноги мертвого исполина. Эта пешка только начинает свою игру. И Хрофт был уверен, что ей не позволят погибнуть. Он не шелохнулся в седле, не допустил, чтобы даже тень мелькнувших мыслей отразилась на его лице. Он ждал, что тот, кто сделал ставку на Девчонку, так или иначе проявит себя.

Вместо этого откуда-то сбоку вынырнула молниеносно зеленая тень. Темноволосый юноша-альв подхватил девушку и, прижав к груди, отпрыгнул, в самый последний момент увернувшись от падающего тела шестирукого монстра. Видимо, это движение далось ему нелегко. Волшба, остановившая одного из гигантов, забрала много сил. Остатки ушли на то, чтобы спасти Рунгерд. Теперь альв, смертельно побледнев, тяжело осел на землю, не выпуская своей ноши. Только его глаза цвета весенней зелени зло глянули на Хрофта. Руни тряпичной куклой повисла на руках своего спасителя. Но она была жива.

Альвы – теперь уже пятеро, шестой, с отрубленной рукой, лежал без сознания в паре десятков шагов от товарищей – теснили все еще не освободившегося от туманного спрута шестирукого к краю обрыва. Колдун, выбиваясь из сил, посылал одно заклятье за другим, перемежая защитные силовыми. Ярость сражающихся альвов, казалось, питала серые шупальца тумана. Отброшенные к земле волшбой невидимого противника, пославшего двадцатифутовых многоглазых воинов, языки магического марева поднимались вновь. Вот они захватили одну из рук исполина. И тут, повинувшись какому-то приказу, альвы отступили, четко и слаженно, как будто были единым целым. Отступили лишь на пару шагов, чтобы позволить небольшому огненному шару ударить великана в грудь, прямо в желтые глаза. Тот покачнулся, но удержался на ногах, при этом невольно открывшись. И тут второй шар пламени, меньший и не такой плотный, ударил гиганта в лицо, опалив красно-черный шлем. И противник, взмахнув руками, опрокинулся назад. Его ноги соскользнули с края обрыва. Громадное тело стремительно ухнуло вниз с градом каменной крошки. Рык и рев оборвались внезапно, когда шестирукий рухнул спиной на острые уступы. И его темная кровь брызнула на согретую солнцем плоть Живых скал, потекла в жадные протянувшиеся к ней трещины.

И вместе с последним вздохом монстра исчезла и магия. Отец Дружин с удивлением почувствовал, что от нее не осталось и следа. Тот, кто поддерживал силы шестируких нападавших, исчез, спрятался, не желая быть узнанным.

Хрофт прошупывал местность вокруг магическим видением. Однако взгляд сам собой остановился на Рунгерд. Она поддерживала юного альва. Бедняга походил на мертвеца. Его руки с потемневшими пальцами свисали вдоль тела плетями. Видимо, он, и без того слишком истощенный схваткой, истратил едва ли не сам запас жизненных сил, чтобы послать тот небольшой и едва закрученный шар пламени, что стоил жизни гиганту.

Лишившийся руки альв выглядел и того хуже. Над ним склонился колдун.

Остальные направились к Рунгерд. Вместе они подняли и уложили в тени полумертвого юношу.

Они словно не замечали Хрофта. Казалось, отчаянная дерзость Руни передалась и ее воинам, потому что присутствие Древнего Бога, судя по всему, пробуждало в них лишь досаду. Он был лишним. Причудой Руни. Но ради нее они соглашались терпеть и преклонять колено.

Хрофт спешил, повел Слейпнира туда, где вполголоса переговаривались воины и их перемазанная пылью и кровью предводительница.

– Ты можешь вернуть его? – просто, по-будничному спросила Рунгерд, вытирая рукавом повлажневшие глаза. – Ты можешь, ты же бог?

Хрофт склонился над альвом. Тот был жив. Но чудовищная, сродни смерти, усталость, что сковала его, с каждым мгновением пила его силы.

Владыка Асгарда положил руку на меловой лоб альва, почувствовал, как в глубине его тела текут потоки энергии и – в самой глубине – золотая, огненная жила. Юный альв был далеко не прост. В самой его природе чувствовалось сродство к магии. Не колдовству альвов – великой силе, составляющей сущность этого мира. Оказалось достаточно малой толики волшебства, чтобы щеки юноши порозовели, а дыхание стало глубоким и ровным. Огненная струна, жившая в нем, зазвенела, тронутая рукой Хрофта, и молодое и крепкое тело откликнулось неугасимой жадой жить.

– Теперь ему нужен сон, – ответил Хрофт на невысказанный вопрос Руни и альвского колдуна, в тревоге всматривавшегося в лицо юноши. – Немного. Едва он откроет глаза, можно двигаться дальше. Как другой?

– Он умер, – едва слышно и почти безразлично ответил колдун, не глядя на Хрофта.

Мертвого похоронили быстро и молча. Никто не молился над его могилой, не просил Богов о милости. Тело забросали землей и камнями. Хотя Хрофт мог поклясться, что видел,

как шевелились губы Рунгерд, когда ее взгляд наткнулся на свежую могилу. Она просила прощения.

– Дирк, – полупшепотом спросила она у колдуна так, чтобы не услышали другие альвы. Но Хрофт благодаря заклятью Слуха отчетливо различал каждое слово. Альвы были замкнуты и враждебны, и Отец Дружин не посчитал зазорным потратить немного сил для наложения заклятий Слуха и Видения.

– Дирк, Велунд выкарабкается?

Голос Руни дрогнул. Даже встав во главе отряда таких совершенных бойцов, как эта горстка альвов, она все еще оставалась совсем юной девчонкой. Голос выдавал ее с головой.

– Не беспокойся за Вела, моя госпожа, – почтительно ответил ей тот, кого называли Дирком, но в его безупречной интонации послушного слуги Хрофту слышалась легкая ирония. – Он молод и силен. После прошлой встречи с шестирукими нам, как помнится, пришлось много хуже...

Прошлой встречи? Отец Дружин был не на шутку встревожен и рассержен. Девчонка пришла просить его, Одина, о помощи, не удосужившись сказать ничего: ни о своем отряде, ни о стычках с таинственными слугами неизвестного сильного Мага. Сколько было этих стычек? Чего хочет добиться тот, кто посылает навстречу Рунгерд своих чудовищных слуг?

Девчонка, казалось, даже не испытывала желания задуматься об этом. Она двигалась к своей цели, как летящий из пращи камень. Неслась по прямой, отчаянно и неуклонно. Но альвский колдун показался Хрофту зрелым и умным. Он не мог не понять, что все это не случайно.

– Сколько, – грозно спросил Отец Дружин у колдуна, едва Рунгерд отошла достаточно далеко, – сколько раз эти шестирукие вставали у вас на пути?

– Великий Один, Владыка Асгарда... – начал было альв, но Хрофт нетерпеливо махнул рукой, приказывая опустить лишнее и говорить сразу о деле. – Это третий, – коротко и четко ответил альв.

– И когда же это случилось впервые?

Глава 4

Рихвин сплеча рубанул мечом, но доспех гнома выдержал. Лишь на одной из пластин осталась едва различимая в полутьме царапина. Секира гнома со стоном рассекла воздух в полудлони от плеча альва. Диркрис уже в который раз поблагодарил создателей-Перворожденных за то, что не поскупились, наделяя альвов своими дарами: ловкостью, превосходящей все пределы скоростью реакции, меткостью, отличным зрением и слухом. Все это сейчас позволяло альвским воинам Руни отражать атаку за атакой. Людям приходилось намного сложнее. Их глаза с трудом привыкали к скудному освещению лабиринта. Глубинный гул подгорного царства, стократно умноженный эхом переходов, сбивал с толку, не позволяя вовремя заметить все новых противников. Гномы бились насмерть. Здесь, в сердце Кольчужной горы, появление чужака, а тем паче – целого отряда означало лишь одно: под угрозой нечто более ценное, чем гномья жизнь. В опасности сама честь подгорного народа. Веками ни маги, ни Перворожжденные, ни сами боги не решались посягнуть на вотчину Ториновых детей. И даже приходя в темные лабиринты Кольчужной горы в надежде получить для своих учеников, жрецов или союзников чудесное оружие, выкованное гномами, они никогда не полагались на силу, предпочитая действовать умом и золотом.

И вот в Подгорное царство вторглись чужаки. И не из числа тех, кому самим Создателем были даны сила и мощь, которую можно было бы противопоставить упрямой гномьей гордости. Это были альвы и... люди. Всего лишь люди. Хрупкие и ограниченные существа, не способные почти ни на что. И альвы явно подчинялись человеку. Женщине.

Для человека предводительница справлялась на удивление хорошо. В ловкости и меткости не уступая альвам, она бросалась в бой с поистине человеческой отчаянной храбростью. И уже несколько раз от неминуемой смерти Девчонку спасала или невероятная удачливость, путеводная звезда дураков и смелых, или восхищение, которое, Диркрис мог поклясться, мелькало в глазах нескольких противников Руни. Она стремительно двигалась сквозь неистовую пляску схватки, развернувшейся в нешироких подземных тоннелях, одним ведомым ей способом отыскивая путь в лабиринте. Как стрела, летящая через многовековую дубовую чащу в намеченную цель, лишь чудом минуя узловатые ветви и стволы, покрытые толстой, изборозженной трещинами корой. Один удар секиры каждого из заматеревших в боях, заросших по самые глаза бородами гномов грозил перерубить пополам эту тонкую стрелку, прервав ее дерзкий, отчаянный полет. Но каждый раз кто-то хранил Девчонку, защищал ее в кровавой рубке незримой дланью.

Диркрис не мог узнать, чья магия оберегала их. Не мог и не хотел допытываться, с чьей стороны пришла помощь. Он лишь по мере сил старался ухватиться за призрачный шанс прорваться к цели, помогая неведомому хранителю Девчонки заклятьями и мечом.

Рихвин бился рядом с ним, прикрывая в те мгновения, когда волшба требовала большей концентрации и связывала руки. И Дирк был рад, что брат не стал прорубаться к Велуду и Руни. Младший вполне мог справиться сам. Говорят, Судьба ласкова к полукровкам. Вот и Велунду досталось много больше, чем старшим братьям. Знать, во всем виновата чистая эльфийская кровь, что, смешавшись с альвской, сделала Вела таким, какой он есть. Но, даже завидуя, Дирк не мог не любить сводного брата, не мог не прикрыть его спину заклятьем Отражения. И с тех пор, как в Альвланд пришла Рунгерд, это требовалось все чаще. Девчонка щедро платила за все услуги, но любому было ясно, что Велунд пошел за ней не ради платы. В чем был его расчет, Дирк не понимал.

Гномы появлялись отовсюду, выныривали из своих тайных ходов и переходов, казалось, выходили из стен, рождались из клочковатой полутьмы, чтобы броситься на чужаков. И Дирк чувствовал, что сил остается все меньше. Он уже приготовился к последней, смертельной атаке.

Конечно, он мог бы использовать одно из тех новых заклинаний, что получил недавно. Но, увы, без Велунда это было бы просто самоубийством. Чужое заклятье, тем более созданное очень сильным Магом Поколения, из которого вышли Новые Боги, требовало такого количества магической энергии, что досуха выпило бы Дирка и еще пару таких, как он. Вдвоем с Велундом они, пожалуй, справились бы. Но Вел сейчас оказался в самой гуще боя, оберегая Девчонку. И оставалось только попробовать наложить хотя бы на часть гномьего воинства заклятье Сна, чтобы попытаться выбраться из недр Кольчужной горы живыми. Дирк не был склонен высоко ценить героическую смерть на поле боя. Он бы предпочел убраться отсюда, прихватив братьев, и поискать другой путь осуществления плана Рунгерд. Но Велунд, а с ним и Рихвин, более молодые и наивные, верили Девчонке. А Девчонка верила, что получит Свечу.

Диркрест начал творить заклятье Сна. Рихвин прикрывал его, ловко и скоро орудуя мечом. Дирк чувствовал, как от напряжения дрожат руки. Мастерство едва не подвело его, заклятье не желало поддаваться, приходилось начинать заново. Отчаянный звон мечей и секир и глухая брань, поддерживающая силы усталых воинов, врвались в его мысли. Он готов был в отчаянии рвать на себе волосы, проклиная Девчонку и ее безумный план. Проклиная собственную самонадеянность и гордыню, которые не позволили отговорить братьев.

Возможно, именно эта ярость, пришедшая на смену отчаянию, придала Дирку сил. Заклинание вдруг словно бы выплелось само. И он почувствовал, как невесомое покрывало колдовского сна опускается на гномьи полчища. Он ожидал, что сумеет усыпить десяток или полтора, но с удивлением увидел, как замедлились движения всех противников. Люди и гномы, казалось, были не в силах держать тяжелеющее с каждой минутой оружие. Мечи и секиры глухо падали на земляной пол. Следом один за другим опускались обессиленные воины.

– Дирк, Рихвин! – крикнул из дальнего конца перехода Вел. – Сюда. Здесь котел и развилка. Похоже, уже недалеко.

– Это ты? Ты тоже подумал про заклятье Сна, брат? – выкрикнул Диркрест, чувствуя, как и на него начинает наваливаться тяжелая магическая дремота. Велунд не ответил, он уже свернул в боковое ответвление подземного коридора. Рихвин поднял Дирка с колен и поволок за собой. Следом двинулись двое или трое альвов из тех, кто пока мог сопротивляться сонному заклятью.

Но едва они обогнули выступ стены, как Рихвин резко остановился, так что Дирк едва не налетел на него. Брат выхватил меч и приготовился к очередной драке. Видимо, заклинание, что заставило погрузиться в сон всех в тоннеле, против воли Дирка наложилось не на сражающихся, а на место, где бились гномы и воины Девчонки. Потому что, едва альвы ступили на широкие отмостки, спускавшиеся по спирали в глубь котла, сон как рукой сняло. На смену ему пришел страх. Признаться, Диркрест никак не ожидал увидеть такое в самой глубине Кольчужной горы. Гномы редко принимали к себе на службу кого-то из других народов. И тот, кто предстал перед братьями, никак не мог быть слугой или гостем гномов. Шестирукое двадцатифутовое чудовище обнажило мечи. Длинные широкие клинки с загнутыми концами блеснули в полутьме пурпурно-алым, отразив отсвет подземных огней, тех, что кровятели глубоко внизу, в гномьем котле.

Сотни желтых глаз усеивали едва ли не половину тела монстра. Крепкую широкую голову до переносицы закрывал черно-красный шлем. Чудовище сделало выпад, другой, будто изучая противника, пытаясь выяснить, кто или что перед ним. Его желтые глаза горели в полутьме, внушая суеверный ужас. Пославший шестирукого наперерез братьям и их отряду рассчитал все верно. В низких и узких тоннелях многоглазый исполин едва ли сумел бы поднять свои мечи. Здесь же, на самом краю шахты, уходившей вверх и вниз, соединяя вершину горы с ее центром, великану было где развернуться.

Его третья атака оказалась увереннее. Альвам удалось отбить несколько первых выпадов. Гигант одним удивительно быстрым и ловким для такой громады движением выбросил меч,

целясь в грудь Рихвину, но тот отпрыгнул в сторону. И широкий клинок разрубил одного из альвов, стоящих за его спиной. Бедняга рухнул, не издав ни единого звука. Из чудовищной раны на груди хлестала кровь. Мечи альвов вновь встретили в воздухе клинки шестирукого. Кто-то из них едва не поскользнулся на крови мертвеца, щедро лившейся из разрубленной груди на скальный выступ и продолжающий его дощатый настил. Кровь просачивалась через доски в бездонную пустоту шахты. Дирк оттащил мертвого альва к краю, сбросил вниз, лихо-радочно вызывая в памяти заклятья, которые помогли бы им выстоять против великана.

Тот с ревом наступал на альвов, и Рихвину едва удавалось сдерживать этот напор. Но тут дюжина стрел ударила шестирукого в спину. Чудовище развернулось, встречая новых противников. И Рунгерд тотчас запустила в него обычным камнем, куском породы, что валялся у нее под ногами.

– Эй, ты! – крикнула она. – Уродливая куча гоблинского помета!

Она метнула еще один камень, ловко вскарабкавшись по опорам под самый дощатый настил верхнего яруса.

– Достань меня, тварь! – Рунгерд уцепилась ногами за балку и повисла вниз головой, пытаясь зацепить мечом черно-красный шлем великана. Дотянуться она не смогла, но, видимо, и не собиралась. Великан переключил часть внимания на ужимки девчонки, и Велунд проскользнул вдоль стены, отразив пару ударов широких клинков.

– Дирк, готовь Сеть, – едва слышно шепнул он. И Диркрист тотчас присел на одно колено рядом с младшим братом. Заклятье требовало сосредоточения всех сил и мыслей, и Дирк постарался отрешиться от всего, лишь где-то на самой границе сознания билась мысль – выдержать Сеть.

Маги могли набросить колдовскую Сеть, не спешиваясь, и альвы в самых смелых своих мечтах видели себя столь же могущественными. Поэтому за каждое заклятье, подобное Сети, платили щедро – услугами, золотом, удивительными изделиями альвских мастеров. Но какой смысл в том, чтобы получить в руки оружие, которое ты не в силах удержать. Набросить самую слабенькую и небольшую колдовскую Сеть могли лишь немногие альвы, щедро одаренные магией. Такие, как Велунд. Для того чтобы поймать такой Сетью мага, понадобились бы усилия десятка альвских колдунов. Дирк надеялся, что ему и Велу окажется по силам стреножить шестирукого. Если нет, и братьям, и их воинам – всем дорога туда, куда он пару минут назад сбросил мертвеца. В темную шахту, на дно котла.

– Эй ты, вонючая груда отбросов! Рыбы глаза! – выкрикивала Руни. Она ухватила руками за край помоста и теперь, раскачиваясь, подбиралась ближе к сражающимся. Повисла над самой головой чудовища, так что раз или два ей пришлось поджать ноги, чтобы их не достали длинные клинки шестирукого.

Дирк и Велунд ударили разом, целясь в многоглазую грудь великана. Сеть мгновенно спеленала его, заставив бросить оружие. Он даже не покачнулся, лишь остался стоять столбом, свирепо и бессильно рыча. И тут Рунгерд отпустила балку, ловко перевернувшись в воздухе, приземлилась прямо на плечи противника и быстрым движением перерезала ему широкое, как у быка, горло.

На доски хлестнула черная кровь. Великан, хрипя, упал на колени. А Руни подпрыгнула и оказалась на его спине, отерла смоляную жидкость с голенища сапога.

– Пошли, парни, – крикнула она, – не наступите в грязь. Тут недалеко.

Они спускались по бесконечной спирали, уходящей в глубь горы. Здесь уже не встречалось гномьих ловушек, что на каждом шагу попадались в самом начале, в лабиринте. Стены не выплевывали огонь, пол со скрежетом не расходился под ногами, открывая темное жерло очередной заброшенной шахты, громадные лезвия не вспарывали с шипением воздух над самой головой. Это было место, куда ни под каким предлогом не могли попасть чужаки, – большое,

темное, полое сердце Кольчужной горы. И глубоко, в самом низу, здесь хранился залог, святость которого для гномов была незыблемее всех сокровищ их подземного царства. Здесь хранилась она. Свеча жизни Великого Одина.

Каким-то своим, неведомым чутьем Рунгерд вела их вперед, заставляя нырять в полузаброшенные штольни, которые после нескольких минут кромешной тьмы вновь выводили к котлу, но уровнями ниже. Она выбирала нужные из тысяч и тысяч гномьих нор и отнорков. Рихвин и Велунд уверенно шли за ней. Дирк, проклиная себя за малодушие, перебирал в памяти наговоры и заклинания, которые, случись что с их неосторожной провожатой, помогут найти обратный путь.

Но все мысли тотчас вылетели из головы, когда перед ними открылся он. Алтарь Одина. Все здесь было сделано на совесть, со свойственной гномам обстоятельностью. Восьмидесятифутовое изваяние в окружении сотен флуоресцирующих чаш, наполненных холодным зеленоватым светом. Каменный Один грозно смотрел из глубины вырубленной в скале огромной пещеры своим единственным оком. На широких плечах Владыки Асгарда восседали два громадных ворона. И глаза птиц также горели мертвенной зеленью. Это было место, куда закрыта дорога живому пламени. Едва они ступили внутрь пещеры, факелы в руках альвов тотчас погасли от внезапного порыва ветра, вырывавшегося время от времени из скрытых в стенах труб. Но света чаш оказалось достаточно, чтобы оглядеться и понять, что орды разъяренных гномов и шестирукое чудовище в котле были лишь песчинкой в сандалиии мудреца, крошечной проблемкой. Досадной, но разрешимой.

Сейчас перед ними встала задача куда более трудная, чем перерезать глотку слуге неизвестного мага или не заблудиться в гномьих лабиринтах. Всюду: на стенах, уходящих вверх на добрые полторы сотни футов, на полу, на руках каменного Одина и на маховых перьях воронов, в огромных канделябрах, висевших высоко под потолком пещеры, – всюду были свечи. Тысячи тысяч свечей.

Рихвин взял пару из тех, что стояли у него под ногами попеременно со светящимися зелено чашами, и задумчиво повертел в руках.

– Они одинаковые, – недоуменно воскликнул кто-то из воинов. Велунд поднял еще пять или шесть. И братья принялись втроем сравнивать свечи. Дирк и Вел, насколько позволяли силы и знания, попытались найти следы магии. И очень скоро пришли к выводу, что добросовестные гномы потрудились на славу. Свечи не были магическими двойниками. Все они были восковыми. Все стояли в одинаковых подсвечниках. Все сожжены ровно на треть и... совершенно неотличимы друг от друга.

Альвы тревожно оглядывали стены, пытаясь хотя бы сосчитать, сколько их здесь. Жизнью Одина. Только Руни не смотрела по сторонам. Она села прямо на каменный пол, будто к чему-то прислушиваясь. Ее взгляд медленно прошел по свечам на полу, перебрался на следующий уровень, потом выше и выше. Девушка встала и, неторопливым шагом миновав площадку, уставленную чашами, взобралась на колени статуи Одина. И замерла, оглядывая ряды свечей.

Так прошел час. Сперва альвы просто стояли и смотрели, как она задумчиво водит пальцем по громадному каменному колену и всматривается в нефритовую полутьму над головой. Но после усталость взяла свое, и кое-кто из воинов начал располагаться на полу. Привычно расставили часовых, хотя гномов, что встретили их в лабиринте, сон не отпустит до рассвета, а другим не придет в голову искать чужаков здесь. В подземном храме Отца Дружин, в который много веков не ступала нога человека или альва. Из сумок достали хлеб и эль. Но начать трапезу не успели.

Рунгерд, неподвижно сидевшая на руке Родителя Ратей, подобралась и как кошка вскарабкалась по плечу Древнего Бога, уцепилась за нос Хугина, влезла на спину ворона, а потом, рискуя соскользнуть в любой момент, перебралась по бровям Владыки Асгарда на спину Мунина. И оттуда потянулась к одному из канделябров.

– Стой, – Велунд поднялся, собираясь помочь ей заклинанием, но Рунгерд гневно прикрикнула на него:

– Не смей! Ни огня, ни волшебства! Если бородатые умники нашли способ погасить наши факелы, неужели они не продумали, как обезопасить этот храм от магического вторжения? Прибереги магию на тот случай, если я сорвусь, – она хохотнула, пытаясь не выдать своего страха.

Проклиная невысокий рост, Руни присела и, выругавшись для смелости, прыгнула с покато́й спины второго ворона, чудом уцепилась за перекладину канделябра. Подтянулась, раскачиваясь на головокружительной высоте, и выхватила из сотни совершенно не отличимую от остальных свечку.

– Лови, Вел, – крикнула она, бросая вниз подсвечник. Свечу, повиснув на одной руке, спрятала за пазуху.

Подсвечник едва не угодил в глаз зазевавшемуся альву. Тот охнул и на мгновение отвлек внимание остальных. Когда они вновь подняли головы, Руни уже раскачивалась на другом канделябре, бывшем чуть ближе к полу. Она снова прыгнула, ухвати́лась за выступ, на котором стояла еще дюжина свечей. Сошвырнула их вниз и переместилась на следующий выступ. Наконец ловко приземлилась на ноги.

– Уходим, – скомандовала она, с удивлением глянув на разложенный хлеб и фляжки с элем. – Перекусим на свежем воздухе.

Повисло молчание.

– Ты уверена, что это ТА свеча? – наконец выговорил терзавшую всех мысль Велунд. – Если ты ошиблась, второго шанса у нас не будет.

– Уверена, – резко, с напускной веселостью отозвалась Рунгерд, – она обязана быть той самой, раз я так высоко за ней лезла. И, кстати, едва не подвернула ногу, когда спускалась. Да и тех наших, кого Дирк накрыл сонным заклятьем в лабиринте, тоже пора забрать на поверхность. Ты ведь сумеешь привести их в чувство, Дирк?

– На ноги подниму, – отозвался Диркрост. – Из лабиринта выберутся своим ходом. А вот если кто нападет – отбиваться придется только тем, кто здесь.

– Вот и славно, – ответила Руни, заправляя за ухо растрепанные темно-русые пряди. – Давайте поторопимся.

– Я еще раз спрашиваю тебя, Рунгерд, ты уверена? – не отступал Велунд. Его глаза горели зеленым огнем, не уступавшим в яркости и холодности светоносным чашам, а брови грозно сошлись к переносице. Но Руни подошла к нему и разгладила указательным пальцем складку между бровями.

– Я уверена, Вел, – ответила она, – и тебе не стоит портить твою эльфийскую красоту этими гадкими гримасами. И если я буду уверена, поверит и Один. Ты же сам видишь. Эти свечи невозможно различить, даже держа в руках. У меня будет только одна. Так откуда Одину догадаться, что это не та самая. Главное, чтобы он согласился...

– А если он не поверит? – Велунд резко убрал от своего лица руку девушки, но не спешил отпустить. – Если он увидит, что это не та свеча?

– Тогда сожалеть будет уже некому, – легкомысленно бросила через плечо Руни, оставляя за спиной подземный храм и сурово смотрящих ей в спину – неподвижного Вела и каменного Одина.

Глава 5

– И ты не думал о том, кто послал вам тогда, в Кольчужной горе, своего слугу? – Хрофт едва сдерживал гнев, пораженный легкомыслием не только самой Рунгерд, но и ее отряда. Альв явно недоговаривал, Хрофт заметил, как тщательно альв выбирал слова, стараясь временно не солгать богу и умолчать о том, что на самом деле произошло в горном святилище. Но и того, что он рассказал, было достаточно, чтобы понять: кто-то сильный хочет остановить Девчонку. Не убить, а именно предупредить. Заставить отказаться от дерзкого плана. И пытается уже давно. Поэтому магические удары были такими осторожными, вполсилы.

Хрофт уверился, что бил Маг. Маг из нынешнего Поколения, не решавшийся преступить черту и убить своей волшебной смертью. Он хочет лишь напугать Рунгерд и, видимо, выбрал для этого худший из способов. Девчонка оказалась шита крепкими суровыми нитками. Атаки, казалось, питали ее силы, заставляя верить, что, раз неведомый Маг прилагает столько усилий, чтобы ее остановить, она сумеет добраться и до Хедина.

– Рунгерд думала, что шестирукий – твой, о Великий Один, – сдержанно ответил колдун. – До самой Кольчужной горы никто не пытался остановить нас. И мы подумали, что чудовище – всего лишь Страж Свечи. Еще двое напали на лагерь на следующий день, когда Рунгерд принесла Свечу туда. Погибло много альвов и людей. Хотя во второй раз шестирукие были как будто другими.словно... созданы впопыхах, – выговорил альв, глядя в глаза Отца Дружин, словно пытаясь прочесть в них мысли Древнего Бога, – думаю, это уже были не хранители Свечи, а создания чьей-то чуждой силы. Они как будто пришли для того, чтобы Руни победила их...

Собственная мысль показалась альву настолько крамольной, что он замолчал, резко оборвав фразу.

– У Свечи нет и никогда не было Стражей, – ответил Хрофт. – Только Хранители из числа гномов. Но, зная, за многие века верные мне подгорные слуги подрастеряли бдительность. Видно, вера, не подкрепленная страхом, стоит недорого. Потому вам и удалось найти Свечу. Кто, говоришь, узнал ее?

Уловка Хрофта показалась альвскому колдуну настолько смехотворной, что он едва сдерживал улыбку.

– Я не говорил, Великий Один, я запомнил, – честно глядя в глаза бога, ответил Дирк. – Битва с гномами в лабиринте отняла столько сил, что мы едва не падали с ног от усталости... и потому, прости, Родитель Ратей, я не могу вспомнить, кто отыскал Свечу...

Хрофт и не надеялся на прямой ответ. Он желал лишь увериться, что Дирк, как и Рунгерд, помнит, кто смог узнать одну-единственную Свечу из тысяч свечек. И если зарвавшаяся девчонка все-таки не сумеет сохранить свою жизнь, останется альвский колдун. И Хрофту известны тысячи способов, как развязать ему язык.

Но теперь не только желание узнать, кто из Древних вернулся в Упорядоченное, терзало Отца Дружин. Не составляло большого труда увидеть, что вокруг Девчонки и Свечи закручивается что-то таинственное, плетется какая-то сложная сеть. И он уже в этой сети. Но в каком качестве? Наживка для Руни? Или цель ловли, а Девчонка – всего лишь способ заманить его в ловушку? Хрофт чувствовал, что в борьбу вступила уже не одна сила. И в этом стоило разбираться.

Значит, шестируких было несколько. Представить только, этот колдун и его воины решили, что у Свечи могут быть такие стражи.

Отец Дружин помнил, как обдумывал тысячи способов спрятать Свечу так, чтобы никто из самых сильных мира сего не сумел отыскать ее. И выбрал самый простой и, как оказалось, действенный способ. Он не стал прибегать к магии. Он даже не взял с собой Слейпнира. Весь

путь до Кольчужной горы проделал в те времена еще Великий Древний Бог на простой гнедой лошадке, которая то и дело принималась кланяться лакомству и шарахалась от любого движения в лесной чаще. Он не оставил даже малейшего магического следа, по которому можно было бы отыскать этот путь. Проходили зоны, и никто: ни Маги, ни сами Молодые Боги, хотя и пытались неоднократно, – никто из них не смог получить Свечу жизни Владыки Асгарда. В конце концов попытки прекратились. Случилось Боргильдово поле. Древний Бог Один потерпел сокрушительнейшее из поражений. Стал Старым Хрофтом. И о Свече забыли.

Но, как видно, не все. Как-то же узнал смертный лекарь ту сказку, что передал своей внучке. И она поверила. И кто-то, почувствовавший эту веру, обретший в ней новые силы, повел Руни к Свече. И кто-то другой, догадавшийся, что ищет смертная в Кольчужной горе и усмотревший в этом угрозу, попытался ее остановить, выслав ей навстречу многоглазых гигантов.

Хрофт был почти уверен, что узнал какие-то из заклинаний, что сумел уловить там, на границе Живых скал. Но тот, кто сплел их, хорошо защитил себя. Память, в том числе и магическая, словно наткнулась на незримую стену.

Однако Отец Дружин вновь и вновь пытался пробиться через нее, желая знать, с каким врагом предстоит иметь дело Руни и ему самому, раз уж он дал Девчонке слово идти с ней. Хрофт понимал: рано или поздно Магу, что решил остановить дерзкую смертную, надоест играть в кошки-мышки и бить вполсилы. И тогда будет бойня. И как бы ни старались колдун Дирк и зеленоглазый Велунд – им не защитить своих людей. Даже тех, что отправились с ними к жилищу Старого Хрофта. Не говоря уж обо всем воинстве Рунгерд, в особую многочисленность которого Владыка Асгарда не слишком верил.

Расспрашивать Рунгерд было бесполезно. Всю дорогу до лесного лагеря Девчонка провела рядом с Велундом. Альв был еще слаб и бледен, магическое истощение сказывалось сильнее, чем предполагал Хрофт. А возможно, хитроумный, как все полукровки, Вел таким образом старался держать Руни подальше от Древнего Бога. Но Девчонка, казалось, сама не обращала внимания на Хрофта, полностью сосредоточившись на раненом.

Когда речь зашла о ночлеге, она тотчас переменилась. Решительно и толково распределив обязанности, она послала двоих осмотреться. А после приблизилась к Хрофту. Все еще занятый своими мыслями, Отец Дружин не сразу ответил на ее приветствие.

– Завтра мы будем в лагере, – безразлично проговорила девушка, – а Владыка Асгарда еще ни разу не спросил меня о том, что мы собираемся предпринять. Или Великий Один предполагает точно так же держаться в стороне и дальше?

Хрофт опешил. Девчонка укоряла его. Его. Бога. Он невольно усмехнулся в усы. Он действительно желал знать, что такого дерзкого задумала маленькая смешная полководица, чем так переполошила неведомых магов. Но Отец Дружин не торопился позволить ей втянуть его в эту свару, не разобравшись толком, на чьей он стороне.

– Я думал, что Великий... Один, – Хрофт усмехнулся, подогревая ярость Девчонки, – нужен тебе лишь для того, чтобы бог Хедин выслушал тебя. А в остальном ты и твои остроухие справляетесь совсем неплохо. Тут колдун поведал мне, что нападение шестируких тебе не в новинку...

– Поверь мне, милостивый бог, – едко ответила Руни, – я еще способна пощекотать задницу кое-кому из сильных мира сего наконецником стрелы.

– Но ты понятия не имеешь, чью задницу щекочешь, – оборвал ее бахвальство Хрофт. Рунгерд обиженно замолчала. На поляне альвы разожгли костер. Запахло обжаренным хлебом, отчего желудок Рунгерд дал о себе знать, но она упрямо продолжала стоять в тени деревьев рядом со Старым Хрофтом. Сорвала почти касавшуюся ее лица ветку ясеня и принялась очищать с нее листья, словно не знала, как продолжить разговор, так некстати прервавшийся из-за ее глупого тщеславия. Хрофт не торопился помогать ей справиться с неловкостью. Он

устроивал Слейпнира на ночь. Щетка медленными широкими движениями ходила по бело-снежным, серебряным в сумерках бокам коня, и Слейпнир ласково ткнулся широким лбом в плечо хозяина. Наконец Руни виновато подняла руку и погладила коня по крепкой лоснящейся шее, словно вымаливая прощения у него, а не у того, кто проходилась щеткой по его блестящей шкуре.

– Мне не нужна твоя помощь в битве, – наконец заговорила она.

– Плохое начало, – заметил Хрофт. Слейпнир фыркнул.

– Ты... нужен мне, Владыка Асгарда, – словно преодолевая себя, пробормотала Руни чуть тише. – Завтра мы будем в лагере. А через сутки, когда мои... остроухие отдохнут и наберутся сил, мы пойдем к Восточному храму Хедина и возьмем то, что Новые Боги оставили тамошним жрецам.

Отец Дружин не сумел сдержать разочарованного вздоха. Девчонка оказалась еще одной охотницей за артефактами, верящей в то, что достаточно пары магических штук, чтобы перевернуть все Упорядоченное так, как ей хочется. Волшебные мечи, всемогущие перстни, зачарованные посохи и сосредоточившие в себе небывалую мощь камни – тварные и нетварные воплощения мечты о власти. Все искатели артефактов начинают с высоких идей, а заканчивают бессмысленным собирательством колдовской чепухи. Люди, даже самые мудрые, слишком падки на эти побрякушки. И Хедин прекрасно осведомлен об этом и не мог не учесть. И как бы он ни пытался отринуть все атрибуты своей новой божественной роли, ему не откажешь в уме и расчетливости. Он не построил храмы, но позволил их построить. Он не насаждал веру в себя, но оставил своим жрецам пару «божественных» вещиц, чтобы в минуты сомнения каждый мог повертеть в руках то, что «дано богом». Ракот в этом плане честнее с собой. Он хотя бы умеет получать удовольствие от человеческого поклонения.

– И что же оставил своим жрецам Хедин? – поинтересовался Хрофт, ожидая увидеть знакомый жадный блеск в глазах девушки при упоминании очередной всемогущей побрякушки.

– Не знаю, – отмахнулась Рунгерд, – что бы там ни лежало, главное – то, что оно делает. По слухам, там хранится что-то, способное открыть врата в любой мир или ту точку Межреальности, где в данный момент пребывает Хедин. Мои люди достаточно сильны, чтобы одолеть жрецов и воинов храма без божественного вмешательства. Но потом... понадобится тот, кто сумеет справиться с артефактом.

Налетевший из темноты холодный ветер заставил Рунгерд поежиться и теснее прижаться к боку коня. Слейпнир, за такую вольность попытавшийся бы ударить копытом любого другого, позволил Девчонке запустить пальцы в его гриву. И ее робкое, почти невесомое прикосновение никак не вязалось с решительностью в голосе и разумностью речей.словно две разные женщины уживались в одном хрупком, но выносливом теле – бесстрашная и отчаянная воительница и простая деревенская девочка, выросшая среди диких лесов и привычная к тяготам сельской жизни. Ни одна из валькирий не позволила бы себе ласково перебирать пальцами гриву Слейпнира. Ни одна из смертных не отважилась бы так говорить с Владыкой Асгарда.

– Ты сможешь открыть врата? Ты... исполнишь обещание? – спросила Рунгерд, наконец поднимая глаза на Хрофта поверх белой лошадиной спины.

И он понял, что вопрос относился не только к тому, что должно произойти в Восточном храме. Она хотела знать, на чьей он стороне.

– Посмотрим, – холодно ответил Родитель Ратей и медленно двинулся к костру, оставив Руни одну с устало смаргивающим Слейпниром.

Ночь прошла без происшествий. А к полудню они наконец достигли цели. Вдали заблестела на солнце река. Издали берег казался диким и пустым, но по мере того, как маленький отряд Девчонки спускался с холма к стоящему сплошной стеной лесу, Хрофт начинал замечать в чаще приземистые, рубленные из комелья дома и дощатые навесы. Их ждали. Альвы

еще с вершины подали знак, и теперь навстречу Руни двинулось сразу несколько человек с встревоженными и сосредоточенными лицами, каждый из которых был уверен, что его дело важнее всех остальных.

– Госпожа, двое магов пришли вчера. Говорят, что желают присоединиться к Девчонке. Но мне они показались не слишком заслуживающими вашего доверия. Я пока на косях их в сторожку определил, – забормотал один, плотный и краснолицый.

– Откуда маги? – бросила Рунгерд, спешиваясь и передавая коня в руки подросшего юноши.

– Из баронских земель. Говорят, житья не дают... – словно оправдываясь, начал краснолицый.

– Узнай, кто из баронов не угодил нашим дорогим гостям, – торопливо шагая к лесу, так что окружившие ее люди вынуждены были почти бежать за ней, проговорила Рунгерд. – И поспрашивай у тех из наших, кто оттуда, так ли обстоят дела, как волшебники расписывают.

– Прибыли отряды от ярла. – Говоривший, невысокий сухопарый мужчина с широким шрамом через правую щеку, осекся, заметив внимательный взгляд Хрофта, не зная, стоит ли доверять чужаку.

– Разместить и посмотреть, чтобы всех переписали, Ольве, – распорядилась Руни, – и не тревожся. Чужих здесь нет.

Еще пять или шесть человек продолжали одолевать Рунгерд тысячей вопросов по устройству их маленького мирка. Хрофт какое-то время следовал за ней, не вслушиваясь в слова и приказы. Девчонка даже не удосужилась назвать его имя, но все в лагере, похоже, уже ждали его. Смертные и альвы застыли в поклонах посреди своих будничных дел, и Хрофту пришлось не раз и не два просить воинов встать с колен и продолжить свои занятия. У всех на лицах он читал почтение и страх, но ни один не казался удивленным. Видимо, все здесь верили в свою предводительницу и ее счастливую звезду и ни капли не сомневались, что она вернется и приведет с собой самого Хрофта, как сейчас он вел под уздцы величественного Слейпнира.

У Отца Дружин было достаточно времени, чтобы пройтись по лагерю и осмотреться. Ему никто не препятствовал. Преодолев первый порыв робости и страха, люди и альвы занялись своими делами. И сразу стало ясно, что Рунгерд не ошибалась в расчетах: все в лагере были готовы выступить в любой момент. И, казалось, присутствие Древнего и Великого Бога совершенно не смущало их. Словно Владыка Асгарда – один из простых мечников их маленькой «госпожи».

Большинство воинов было занято своим оружием. Совсем близко, за одной из бревенчатых изб, низким стоном отзывался на прикосновение клинка точильный камень. Несколько крепких мужчин, подначивая друг друга, соревновались в стрельбе из лука. Пара хмурых и сосредоточенных альвов обмазывала чем-то вроде гусиного жира длинные, странного кроя кожаные плащи. Но Хрофту не позволили рассмотреть их. Мастера тотчас свернули свои детища и унесли в сени.

Странно было видеть этих высоких и изящных альвов рядом с убогими деревенскими постройками. Казалось, сама суть этого удивительного народа воплощена в их прекрасных, поражающих воображение городах, величественных белоснежных замках, стрельчатых окнах и узорном орнаменте стен. Достаточно было увидеть, как они сгибаются, входя в свое здешнее обиталище, чтобы понять – привязать остроухих к месту, столь неподобающему для них, могло что-то очень важное. Добыча, цену которой не измерить золотом и самоцветами.

Чем же таким обладала Рунгерд, что эти альвы пошли за ней, согласились жить едва ли не в землянках, спать на камнях и дощатом полу, есть из одного котла с людьми, деревенскими колдунами и беглыми магами?

Многое было странным и удивительным в небольшом, но идеально отлаженном, как альвский механизм, царстве Рунгерд. Полусобранные катапульты, установленные на краю леса

и замаскированные так, что и внимательный глаз не сразу различил бы в мешанине ветвей и листьев раму и непривычной формы поршень. Колеса, укрытые хворостом и лапником. В небольшом заливе Хрофт увидел три видавших виды дракона, тоже полностью готовых к отплытию. Два из них не были примечательны ничем, а вот третий приковывал взгляд непривычно широким, лишенным бортов марсом на слишком высокой для такого судна мачте. И сама ладья казалась более широкой и приземистой.

Хрофт пригляделся и заметил резво карабкавшегося на марс Велунда. Он что-то объяснял стоящим внизу, на палубе, альвам. И те спешно чертили углем на досках. Заметив Хрофта, Вел почтительно склонил голову, так что ветер бросил иссиня-черные пряди ему на лоб, но уже через мгновение альв двинулся вверх, ловко перебирая руками и стройными, обутыми в мягкие кожаные сапоги ногами. Зеленый плащ полукровки бился на ветру.

Все в лагере Девчонки казалось непривычным, странным, неправильным, но при этом в непрерывном движении людского муравейника не чувствовалось опасности, а лишь деловитая уверенность и удивительная собранность. И сила. Не та, к которой привык Хрофт: сила человека, Мага или Бога, сила одного, наделенного мощью многих. Вокруг чувствовалась сила песка, что захватывает цветущий оазис, песчинка за песчинкой порабощая его. Сила пробивающих путь в камне тысяч капель, каждая из которых способна лишь на один удар.

Отец Дружин знал цену смертным. Он бился плечом к плечу с Хагеном, который, при всей своей магической выучке, оставался человеком. И лучшего соратника найти было трудно. Раньше как-то не приходилось Хрофту задумываться над тем, как он относится к людям. Но девчонка Руни и весь уклад жизни ее маленького воинственного мирка требовали определиться, не желая открывать своих тайн чужаку. Вернув себе имя и утраченную на Боргильдовом поле силу и божественность, Один предпочитал не думать, а бросаться в бой, на зов молитвы и звон мечей. И так получалось, что оказывался на стороне смертных. Возможно, потому что только у них хватало достоинства и воли признаться, что им нужна помощь.

И отчего-то было интересно, на что способны те, кто выбрал своей предводительницей смертную Девчонку.

Глава 6

Драконы, высоко подняв носовые штевни, резали волну за волной. Солнце нестерпимо блестело в морской воде, и казалось, все Срединное море сияет как огромное зеркало, эоны назад упавшее с высоты и расколовшееся на миллиарды осколков-бликов, в каждом из которых сейчас дрожала толика лазурного неба.

Голубой парус с вышитой желтым шелком летящей цаплей в алом круге свободно надувал широкую грудь, словно сам ветер решил встать в ряды воинов Девчонки. Хрофт стоял на носу одного из драконов. Вторя гулким ударам барабана, били по волне весла. Широкое тело ладьи несло вперед легко и скоро, и Отец Дружин с наслаждением подставил лицо соленым брызгам и прохладным струям ветра.

Впереди уже белел в редющей утренней дымке храм Хедина. Обозначилась бурая полоска крепостного вала, широкая лента стены и там, за ней, устремленная в небо стрела храма. Лучи солнца окрасили ее изжелта-молочным, так что хранимая Новыми Богами благословенная крепость казалась сахарной фигуркой на столе капризной эльфийки. Слуги Восточного храма не видели угрозы в тройке приближающихся кораблей и не ждали беды. А может, уверенность жрецов в неприкосновенности земли, освященной самим Хедином, была причиной спокойствия в крепости. Однако затишье оказалось обманчивым.

Едва драконы подошли достаточно близко, небольшой огненный шар – излюбленное оружие Познавшего Тьму, полюбившееся и его жрецам, – опалил драконью пасть на носу первого судна. Это был лишь вопрос и отчасти предупреждение, которому никто не пожелал внять. Дирк свернул в ладонях собственный пламенный шар, чуть меньше посланного из крепости, и метнул в сторону храма. Шар, натолкнувшись на невидимый щит, с треском и яркой вспышкой разорвался в воздухе на полпути до берега.

Драконы продолжали приближаться, не собираясь сворачивать с курса. На первых двух судах приготовились к высадке. Третья, широкая ладья замедлила ход. Рунгерд коротко выкрикивала приказы. Два альва по бортам отмахивали их отрядам на соседних суднах. Хрофт обернулся и увидел, как Руни и несколько альвов и совсем молодых смертных мужчин облачаются в уже виденные им в лагере натертые жиром плащи. Перекрещивают на груди и поясе сложную сеть ремней. Пристегивают полы к запястьям.

На крепостные стены высыпали защитники храма. Первые лодки окатило дождем стрел. Но воины, укрываясь щитами, торопливо выбирались на берег и перебежками занимали пространство у ворот крепости. Неужели они всерьез полагали, что могут одними мечами положить себе дорогу в Восточный храм Хедина? Хрофт удивился такой глупости и мысленно обругал альвов, ведущих отряды на верную смерть, и руководящего ими Рихвина, но совсем скоро уже готов был взять свои слова обратно. Высадившиеся не потеряли ни одного, стройно и четко заняли место под стенами. От стрел защищали крепкие и широкие щиты, которые воины выставили над головой, так что над каждым из небольших отрядов образовался собранный из десятков кусочков щит, который противник густо покрывал стрелами. Отряды ждали. И очень скоро Хрофт увидел, чего они ждут.

Кто-то вскрикнул над головой Отца Дружин. Тонкая коричневая тень мелькнула рядом. Юноша в кожаном плаще камнем рухнул в воду. Он умер мгновенно, не успев даже вскрикнуть, и только плащ, крылом распростертый на воде, держал его, не позволяя пойти на дно. Но следом за ним с отчаянным криком метнулась вторая тень.

Худошавый альв разбежался по вытянутой площадке марса и прыгнул, в полете широко расставив руки. Мягкий плащ из довольно тонкой кожи взвился за его спиной и мгновенно превратился в широкие коричневые крылья, масляно блеснувшие в солнечном свете. Конструкция, каким-то образом спрятанная внутри плаща, в одно мгновение стала твердой, и альв

легко поймал крылом поток теплого воздуха. Хрофт пораженно следил за его полетом, прощупывая небо заклинанием магического видения. Альва не поддерживало ни единого заклятья, ни одной колдовской ниточки. Только пара искусственных крыльев. И этого никак не могли предугадать защитники крепости. Закрывавший ее от магического воздействия незримый щит, о который разбился шар Дирка, не сумел удержать крылатого. Летун понесся в сторону крепостных стен. Следом устремились еще около дюжины. И среди них Хрофт заметил Рунгерд. Защитники крепости принялись выцеливать летунов из луков и арбалетов, но не достигли успеха. Парящие в воздухе ловко маневрировали, уклоняясь от стрел. Вот уже первый альв коснулся ногами выступа крепостной стены. На него тотчас бросились мечники, но он оттолкнулся и взмыл снова, приземлившись на этот раз за их спинами. Несколько мгновений замешательства позволили альву обернуть на глазах теряющий жесткость плащ вокруг тела и обнажить меч. Он отчаянно врубился в толпу защитников храма, на которых с другой стороны пикировали все новые и новые летуны.

Хрофт невольно отыскал глазами Рунгерд. Лишь на мгновение, потому что Девчонка, казалось, нарочно бросалась в самую гущу боя. Она скрылась из виду, и сколько Хрофт ни вглядывался, не мог различить тоненькой фигурки в широком плаще.

Лодка с последним отрядом воинов уже оттолкнулась от борта дракона, когда Отец Дружин, не совладав с собой, прыгнул в нее и приказал грести живее.

Лодка причалила к берегу как раз в тот момент, когда ворота – две огромные, окованные железом створки – дрогнули. Послышался скрип и грохот. И через пару мгновений одна из створок подалась внутрь, и в образовавшейся щели появилось перепачканное кровью лицо Рунгерд.

– Земля и люди! – крикнула она, скрываясь за створкой. Этот клич показался Хрофту знакомым.

– В крепость! Бери! – приказал Рихвин. И тотчас несколько крепких воинов из тех, кто был ближе, ухватились за створки и открыли ворота настежь.

Люди и альвы хлынули внутрь. Зазвенели мечи. Рихвин и его отряд уже теснили защитников крепости в сторону от ворот, чтобы позволить остальным войти беспрепятственно. Но Хрофт не спешил ввязываться в драку. Он разглядел впереди растрепанную русую макушку Руни, поспешил за ней и успел вовремя, чтобы увидеть, как Девчонка летящим шагом взбегают по высокой лестнице, ведущей к Святилищу.

Рунгерд, ее верный полукровка-альв и около полусотни воинов «золотого отряда» Девчонки уже рубились со служителями под сводами арки, ведущей в святая святых, туда, где в сердце храма хранилось данное самим Познавшим Тьму. Казалось, силы равны, и людям Руни не пробиться через плотную стену храмовых мечников. Ограниченные пространством арки, они вынуждены были сдерживать движения и наконец стали отходить назад, на площадь перед храмом, где кипел бой. Велунд ударил заклинанием. Сильным, неальвским. В рядах защитников храма появились бреши. Мертвецы – простые смертные, чья душа, казалось, только и ждет возможности распрощаться с хрупким и недолговечным телом, – падали на ступени и каменный пол, заливая мрамор кровью из разорванных легких. Однако стражи храмовых дверей не сдавались, продолжая удерживать Рунгерд и ее людей на пороге, не позволяя продвинуться дальше в глубь арки. И защитники, и атакующие рубились, сатанея от ярости. И казалось, сама Судьба, занесшая свое копьё над сражающимися, не решалась выбрать того, кто одержит верх. Но жрецы-хединиты, видимо, рассудили по-своему. Заклятье, сплетенное кем-то за спинами обороняющихся, в глубине храма, обрушило арку и часть стены. Ровно настолько, чтобы не повредить храму, но похоронить под завалом и своих, и чужаков вместе с их проклятой предводительницей.

Хрофт видел, как расползаются по стене пауками тонкие трещины, как падают на головы людей огромные камни. Посланное им защитное заклинание, первое, всплывшее в памяти, укрыло только ее – Девчонку. И одновременно с ним как легкая рябь на поверхности реальности подействовало другое заклятье. Как будто сама материя, из которой создано все сущее, начала крошиться, смешиваясь в блеклое ничто. Камни таяли, не касаясь шлемов на головах воинов Рунгерд. И разили насмерть защитников храма. И тотчас эти погибшие, не успев упасть, начинали растворяться в воздухе, обращаясь в студенистое подобие живого существа, а потом и вовсе теряли остатки формы, расплываясь в воздухе облаками мельчайшей пыли. Пыль, каменная и колдовская, ненадолго скрыла от Хрофта Рунгерд и ее людей.

Отец Дружин огляделся, ища того, кто мог использовать здесь, в храме Хедина, такую чудовищную и страшную волшбу, но увидел лишь яростно сражающихся альвов Рихвина. Альвский чародей Дирк был слишком далеко, у самых ворот, и просто не мог увидеть того, что произошло на ступенях храма. Или мог? Что сложного для колдуна, исказившего на миг саму суть тварной материи, использовать магическое зрение для того, чтобы проследить путь Рунгерд?

Едва облако пыли осело, Хрофт бросился по ступеням вверх. Туда, где скрылись Девчонка и ее люди. Они успели продвинуться достаточно далеко, но путь Хрофт отыскал сразу. По следу кровавой сечи и мертвым защитникам храма, среди тел которых то и дело виднелся зеленый альвский плащ сторонников Девчонки.

Он отыскал ее не по звону оружия, а по тягостной тишине, сопровождающей жестокую магическую схватку двух сильных противников. Велунд едва удерживал направленную в него и Рунгерд лавину бесшумно летящих колдовских игл. Видимо, жрецы Хедина решили отойти от традиции и вместо магии огня пустили в ход более привычную, требовавшую меньших затрат силы. Несколько мертвецов в храмовом одеянии уже лежали у ног полукровки. Судя по всему, мечом он владел так же хорошо, как волшбой.

Полдюжины жрецов в коричневых свободных балахонах с вышитыми на груди и плечах соколами метали в зеленоглазого альва и юную воительницу не знающие пощады стрелы силы. И Хрофт видел, как тает магический щит, который с трудом удерживал Вел. Все-таки гордецу стоило попросить у Руни лишний день на то, чтобы укрепнуть после случившегося в Живых скалах. Велунд побледнел, четкие линии бровей сошлись, зеленые глаза метали молнии.

– Земля и люди! – выкрикнула Руни, выступая из-под прикрытия едва держащегося магического щита. Меч Девчонки сверкнул над головой, и смертные воины с дружным яростным воем обнажили клинки, готовые по первому зову броситься вслед за своей госпожой.

Глава 7

Шестью с половиной годами ранее

– Люди? – переспросила старуха, шаркая прочь. – Люди везде одинаковые. И здесь, в Бастеровой дебри, не хуже прочих. Может, кто и пустит.

– Я лекарка, – неуверенно начала Руни, но старая карга не позволила ей продолжить.

– Мне-то что с того, – пробормотала она, – хоть драконий хвост. Иди себе подбери поздорову, куда шла.

– Так мне... некуда, – закончила Рунгерд в захлопнутую перед носом дверь.

Она сунулась еще в два или три дома, но всюду былолюдно, бедно и так неприглядно, что становилось совестно проситься на ночлег. Денег, оставшихся после смерти дедушки, хватило ненадолго, а на другое его наследство здесь, в этой захудалой деревеньке, даже куска хлеба было не выменять.

Руни вернулась к облупленной двери стоящего особняком под тремя раскидистыми могучими вязами дома старухи. В отличие от других, этот дом был велик. Некогда крепкий и построенный на совесть, он и теперь держался. Но время и отсутствие хозяйской руки уже оставили на нем свои следы и отметины. Внутреннего вида частокол кое-где был проломлен, кое-где подгнил и повалился сам, кланаясь в землю батюшке, неутомимому Времени. Видимо, на усадьбу старой брюзги не раз покушались гоблины из числа тех, кому не досталось милостей от великого Хедина – здесь и там на бревнах видны были следы боевых топоров. Одинокая тощая коза ходила вокруг колышка на длинной, связанной из обрывков тряпья веревке, да дремала под крыльцом старая и равнодушная остроухая собака.

Рунгерд снова постучала в дверь.

– Иди прочь ради великого Хедина, будь он неладен. Прочь, кто бы ты ни был, – отозвалась старуха и загремела мисками.

– Пусти, бабушка, это я, лекарка, – как можно жалостливее позвала Руни, стараясь вспомнить, как это делал дед. Он всегда умел найти кров и пищу. Умел и прикрикнуть, и разжалобить.

– Пошла прочь, – рявкнула старуха. – Мне лекарей не надобно.

Руни в изнеможении уселась на крыльцо и закрыла лицо руками. Так и сидела, раздумывая, куда идти дальше.

– Неча плакать, – забубнил кто-то у нее над ухом, – нос покраснеет, никто замуж не возьмет, так и будешь побираться.

Казалось, старуха говорила не с ней. Она лишь прошла мимо, медленно и тяжело спустилась с крыльца, загнала козу на двор и прошаркала обратно, оставив дверь открытой.

– Ну, что примерзла, – прикрикнула бабка. – Избу выстудишь.

Руни вошла. И осталась до весны.

Элга, или, как называли ее в Бастеровой дебри, «старая Элга», ворчливая и неприветливая, оказалась сердобольнее тех, кто ни разу не прикрикнул на Рунгерд, но так и не пустил на порог. Старуха брюзжала по целым дням, проклиная Богов, бывших и новых. Бранила свою старость, дырявый курятник и деревенских баб. Но никогда, ни единым словом не попрекнула Руни за то, что та всю долгую зиму ела ее хлеб и согревалась у ее очага.

Рунгерд понемногу заслужила доверие селян. Лечила их от простуд и прострелов, рвала больные зубы, благодаря природу за крепкие руки. И отдавала невеликий заработок старухе, которая прятала съестное в погреб, а медяки – в печную горнушку.

Короткие зимние дни летели быстро, а ночи, черные и холодные, с порывами ледяного ветра и далеким воем ошалелых от стужи волков, текли медленно и тягуче. Скупясь, Элга не зажигала ни свечи, ни даже лучины, и Руни оставалось тихо лежать в темноте на лавке,

покрытой старой вытертой кацавейкой, и думать. Об отце, о братьях, о Великом Хедине, которого ежечасно проклинала старуха-хозяйка, о прекрасном черноволосом Повелителе Тьмы и о дедушке. И в какой-то момент молитва складывалась сама. Руни молилась, чтобы старый Ансельм попал туда, где будет хорошо его лишенной плоти, измучившейся за долгий век душе, чтобы Милостивый Хедин, Познавший Тьму, простил богохульства Элги и не сердился на старуху и ее жиличку. И поскорее вспомнил о том, что обещал. В деревне многие ждали этого. Многие юноши и мужчины из этих краев подались на службу к тану Хагену. Вернулись единицы. Но осталась вера. И эта вера поддерживала тех, кто ждал.

Старуха, заслышав в тишине ее молитвенный шепот, ярилась и раз или два даже выставляла Рунгерд за порог, покуда не пройдет блажь. И Руни потерянно брела вдоль полей к деревне, думая, отчего Элга так ненавидит Новых Богов. Сама старуха в ответ на ее вопросы только ругалась и плевалась так, будто проглотила жука.

В вечер второй ссоры с Элгой Рунгерд и познакомилась с Эйви. Женщина просто открыла дверь, вышла на порог и окликнула бредущую по колена в снегу девочку.

Они сдружились быстро, насколько можно было назвать дружбой общую беду. Руни тосковала по отцу и братьям, Эйви ждала возвращения сыновей. В ее доме можно было молиться, не таясь, и Руни, с молчаливого согласия старухи, начала под любым предлогом уходить по вечерам и просиживать за полночь в доме Эйви, слушая ее рассказы и разделяя ее мечты.

Так прошел остаток зимы. И Рунгерд уже готовилась покинуть темный и неприветливый дом старой Элги и перебраться к новой подруге, ставшей ей второй матерью. Но этому не суждено было случиться.

Мальчик прибежал ранним утром, когда рассвет едва теплился над дальним лесом.

– С матушкой Эйви плохое случилось, – пробормотал он. – Мамка сказала до вас бечь. Сказала, лекарку зови.

Мальчишка прищурился, ожидая награды за свою услугу. Руни спешно набросила на плечи плащ и растерянно оглядела комнату в поисках того, что можно было бы дать мальчишке.

– На, дармоедово племя. – Старая Элга держала в руке одну из тех монет, что хранились в горнушке, завернутые в старую шерстяную рукавицу. – Чего встала, – прикрикнула она на Руни, шаркая к двери. – Сказано тебе, лекаря надо.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: Эйви обречена. Руни не знала этой болезни, не знала средства остановить ее. Еще вчера здоровая и полная сил и надежд женщина за считанные часы превратилась в собственную тень. Нутро ее не принимало ничего: ни воды, ни пищи. Элга, бранясь, поила больную с ложки, но несчастную тотчас сгибало пополам приступом тошноты.

– Матушка Элга, зажги лучинку, – жалобно попросила лежавшая на постели женщина, совсем не похожая сейчас на Эйви: восковая бледность покрыла ее скулы и заострившийся нос, губы побелели и едва двигались. – Зажги. Темно. Холодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.